

БЛАТОСЛОВЕННЫЙ Виктор Коллингвуд

Книга 5

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 5

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный. Книга 5 / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Ситуация обостряется. Несмотря на все усилия молодого императора остаться в стороне от общеевропейской бойни, Россия оказалась на пороге войны сразу с несколькими державами. И вот она разразилась - слишком рано, чтобы технические преимущества, принесённые из 21 века, смогли сыграть решающую роль. Но времена не выбирают...

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 5

Название: Благословенный. Книга 5

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/395694>

Глава 1

Петербург бурлил. Драматические события, имевшее место в Каменноостровском дворце, никого не оставили равнодушными. Шутка ли: не каждый день в России пытаются убить государя императора в его собственной резиденции! Все лица, имевшие контакты с известными заговорщиками — Паленом, Беннигсеном, Головиными, — в ужасе замерли, с минуты на минуту ожидая услышать за окном скрип кибитки, что повезёт их напрямик в самую глубину сибирских руд.

На самом деле следствие уже располагало очень обширной информацией о всех участниках и нитях заговора. У Палена были решительно все списки заговорщиков, и он передал их еще до той ужасной декабрьской ночи; Проблема состояла теперь лишь в том, чтобы отсечь «маловиновных» — тех офицеров, кто поддался увещаниям и согласился участвовать в заговоре, но в решительный час решил спрятаться в кусты. Таких просто с позором уволили из армии или гвардии: ведь они показали себя сразу и трусами, и дураками. Та же участь ждала людей, у которых хватило глупости в ночь мятежа поднимать тосты «за регента Константина Павловича», демонстрируя свою осведомленность. Но самую неприятную категорию заговорщиков составляли офицеры полков, не примкнувших к мятежу — Семёновского, Лейб-Гусарского, Кавалергардского — то есть те, кто в общем-то, хотел предать государя, и очень старался, уговаривая солдат выйти из казарм, но не преуспел в своём начинании. Вот с этими ребятами пришлось работать долго и старательно. Ведомство Скалона просто выбивалось из сил, проводя многочисленные допросы, обыски и аресты.

Да и вообще, новый 1799 год обещал быть сложным. Во-первых, значительное количество гвардейских и армейских офицеров, а также гражданских чиновников, уличённых в нелояльности, было отставлено от службы. Одновременно множество екатерининских вельмож достигало уже почтенного возраста, заставлявшего задуматься об их замене. Понятное дело, что всё это вместе породило управленческий кризис, но в то же время и породило новые возможности. Государственный аппарат наполнился молодыми людьми: так, вместо престарелого и больного коррупционера Безбородко пришла целая плеяда дипломатов ранее находившихся в тени Александра Андреевича: Виктор Павлович Кочубей, родной племянник бездетного бывшего канцлера.

Забавное дело: иной раз, чтобы составить гений одного человека, природа принуждена бывает отобрать умственные способности у всего рода его. Так поступила она и со славным Безбородкой. Окинув взором всех ближних и дальних родственников, угасающий канцлер в одном только из них заметил что-то на него самого похожее: необыкновенный ум, сметливость, чудесную память и горделивую честь; и этого племянника своего, Виктора Павловича, предназначил быть своим преемником в создаваемом ныне Министерстве иностранных дел. Ничего не пощадив на его воспитание, в самых молодых годах отправил он его в лондонскую миссию, к искусному дипломату, графу Семёну Воронцову на выучку. Ну а когда господин Воронцов, наш посланник в Лондоне, оказался замешан в заговоре против императора, Кочубей был отозван и оказался в департаменте северных стран Коллегии Иностранных дел.

В перспективе я прочил его на место Воронцова посланником в Лондон, но пока держал своим статс-секретарём по ведомству иностранных дел, то есть как бы связующим звеном между мною и министерством. Однако вскоре Виктор Кочубей, хотя начало его карьеры имело вполне дипломатический характер, пренебрег обыкновенными ничтожными занятиями дипломатов, (по большей части — сплетнями хорошего тона), и решил посвятить себя внутреннему преобразованию государства. Здесь ему было чем блеснуть: он лучше других знал состав парламента, права его членов, и прочитал всех английских публицистов. В итоге он стал

новым генерал-прокурором Сената, заняв должность, вакантную после ареста примкнувшего к мятежникам Беклемишева.

Из новых лиц на дипломатическом поприще выдвинулся Степан Алексеевич Колычёв, уже немолодой опытный дипломат, отправленный в Париж, и Никита Петрович Панин, родственник прославленного екатерининского вельможи, человек холодный, прямолинейный и скупой на эмоции. Последний был направлен в Вену, взамен бездельника Разумовского, взявшего к тому времени совсем уж проавстрийский тон.

Семимильными шагами, на зависть клеветникам и бездарям, шагала карьера семинариста Сперанского. Этот юноша с глазами раненого теляти, несмотря на буколическую внешность, уже показал себя самым бойким пером и самым систематическим умом русской бюрократии. Вокруг меня уже толпилось немало прекраснодушных преобразователей — и Новосильцев, и адмирал Мордвинов, и тот же Кочубей, — которые показали способности выдвигать новые идеи, но не умели притом ничего написать. Сперанский же, наточив ловкое перо свое и искусно собирая их мнения, взялся за тяжкий труд соглашать их в один документ, приводить чужие мысли в порядок, разбавляя из своими, и, по сути, в одиночку составил проект учреждения министерств! Надо сказать, что Михаил Михайлович, несмотря на юность, возможно, чувствуя мою поддержку, совершенно не трепетал никаких больших начальников и принимал во внимание одни лишь деловые качества, что мне лично очень импонировало. В высоких, блестящих качествах ума никто, даже его враги, ему никогда не отказывали, хотя и шипели за спиною про «безнравственность» его правил.

Согласно принятому Основному закону, в России учреждались следующие ведомства: Военное, Морское, Промышленности, Торговли, Науки, Путей сообщения, Внутренних дел, Юстиции, Финансов, Народного просвещения, Внешних сношений, Народного здравоохранения, Железнодорожный комитет, Комитет по делам заморских и покровительствуемых территорий, Комитет по переселениям, (прежде — Экспедиция колонизации) Комитет обер-прокурора, Комитет общественной безопасности, Счётный комитет. К комитетам приравнивались Академия Наук и Академия художеств. Главы всех этих ведомств вместе с председателем Государственного банка и тремя вице-канцлерами составляли Правительство, возглавляемое Канцлером.

Военное и Морское Министерство опять возглавил я сам, хотя уже подыскивал себе замену. Возникла у меня идея поставить на военное ведомство Николая Карловича, конечно же, по возвращении того из Персии. Но для этого надо было иметь хотя бы 2-3 года мира, поскольку было бы расточительством держать его в тылу во время войны.

Министерство промышленности возглавил Иван Богданович Барклай де Толли, военный инженер, старший брат столь широко известного Михаила Богдановича. От этого ведомства я ожидал самых скорых и верных успехов. Уже готовы были первые образцы электродвигателей и генераторов, разного рода ткацкие и металлообрабатывающие станки, прокатные станы, прядильные машины, паровые машины нескольких видов, пароходы и паровозы, и теперь надо было запускать всё это в дело.

Министерство коммерции возглавил граф Румянцев. Николай Петрович был сыном знаменитого полководца П. А. Румянцева-Задунайского. Надо сказать, что отношения с отцом были у него сложными: когда он, будучи офицером, являлся к отцу, то ему приходилось просить доложить о себе, наравне с обычными посетителями. Вполне унаследовав острый ум и административные таланты родителя, Николай Петрович оказался лишён его вздорного характера, за что благословляем был своими подчинёнными.

Задачей Румянцева стало прежде всего выравнивание внутренних цен. Дело в том, что из-за крайне хреновых путей сообщения внутри России бывало, что в соседних губерниях в одной амбаре ломились от зерна, а в соседней был голод; в одной мясо продавали по три

копейки фунт, а рядом его просто не было. Надо было это исправить, для чего нужна была хорошая связь и пути сообщения. Еженедельно в каждом губернском городе Торгово-промышленной палатой должны были выпускаться бюллетени с указанием цен на основные продукты и промышленные товары, и срочной почтой рассылаться во все остальные губернии. Важной задачей было давать рекомендации по изменению таможенного тарифа, обнаруживая предприятия или отрасли хозяйствования, требующие для развития государственной поддержки. Посланцы Румянцева колесили по свету, выискивая рынки для русских товаров или, наоборот, источники для закупки иностранных товаров. Кроме обычных своих обязанностей, Румянцев-младший отличался еще и великими, беспримерными в России делами: снаряжал за свой счет корабли и для открытий отправлял их вокруг света, с издержками и трудами отыскивал и собирал любопытные отечественные древние рукописи, издавал их и предлагал читающей публике, учреждал музеи, заводил для всех открытые библиотеки.

Министерство науки, конечно, было беспрецедентным явлением, неизвестным доселе в Европе. Впрочем, его название не вполне отвечало назначению: фундаментальной наукой всё-таки больше занималась Академия Наук, а в министерстве сосредоточились прикладные исследования: разработка новых электроприборов, красителей, сырья для производства динамита, т. д. Также, именно здесь занимались порошковой металлургией, способами выработки фосфора, алюминия, магния, технологиями рафинирования меди и многим другим. Министром был назначен Николай Николаевич Новосильцев, молодой, но подающий надежды господин.

Этот самый Новосильцев, сын побочной сестры старого графа Строганова, много лет прожил на его счёт за границей. Англия совершенно обворожила его, привив ему при этом жажду к познаниям. При Екатерине он числился в армии подполковником и оставил службу вслед за её смертью. Познакомившись с ним накоротке, я увидел в нем умного, способного и сведущего сотрудника, веселого и приятного собеседника, и, что немаловажно — преданного и откровенного друга.

Министерство путей сообщения возглавил, конечно же, Карл Фёдорович Модерах. Его обязанности включали постройку каналов, конных железных дорог, бечевников*, устройство шоссейных дорог, и создание придорожных сооружений — мостов, станций, вокзалов. Он взялся за это дело с истинно немецким педантизмом, составив сразу же многолетний план работы. Мне крайне импонировал его подход к делу, и я очень надеялся, что хотя бы с одной русской бедой он сумеет разобраться.

Главой нижней палаты парламента — Государственной думы — стал Николай Семенович Мордвинов. Известный своими добрыми намерениями, обширными сведениями, живым воображением и притязанием на прямоту, более нежели когда кипел в это время проектами. Любимец газетчиков, он почитался нашим Сократом, Цицероном, Катонем и Сенекой в одном флаконе. Политический сей мечтатель, с превыспренними идеями, частенько — с ложными понятиями о России и ее пользах, вполне сходил с мыслями молодых законодателей. Мнения, им подаваемые, иной раз были столь смелы, что даже мне казались мятежными. В такие моменты приходилось его одёргивать, спуская с небес на землю.

Державин, видя идущие преобразования и всей душой захваченный ими, увлекался мечтами о равенстве и братстве. Все, что происходило, нравилось ему чрезвычайно, и он с благодарностью принял звание министра юстиции и прежнюю свою должность главы Счётной палаты. Данкович де Мириево стал министром образования; науку возглавил один из моих научных статс-секретарей, Василий Михайлович Севергин.

Василий Каразин стал «товарищем» (то есть заместителем) министра народного образования, и сразу же с жаром взялся за дело. Первой его заботой стало открытие и обустройство Северо-Западного университета в Стрельне, и насаждение образования в народной среде.

Северо-западный университет — учебное заведение нового типа, в основном с техническим уклоном. Стрельна находится не так далеко от заводов Петербурга, расположенных в южной части города Санкт-Петербурга, и это очень удобно, поскольку связь с этими предприятиями очень важна для университета. По состоянию на начало 1799 года большая часть корпусов была достроена (напоминаю, что за основу был взят недостроенный дворец Константина), в остальных шла отделка.

Главнoуправитель (ректор) Северо-Западного университета был назначен господин Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделария де Бетанкур-и-Молина. В России его называли Августин Августинoвич. Прибыл он в туманный Петербург из солнечной Испании, где трудился над устройством линий оптического телеграфа. Михаил Илларионович Кутузов заприметил немолодого уже инженера в окопах под Гибралтаром, и тут же просветил на тему крайнего морального устаревания технологий оптической связи и великолепных перспектив, открывающихся перед честолюбивым и прилежным инженером, сумевшим познакомиться с системами проводной электрической связи. Августин Августинoвич поспешил в Россию, и здесь пришёлся «кo двору». Мне как раз нужен был энтузиаст, способный руководить учебным заведением и одновременно наладить в нём научную и производственную работу.

Бетанкур с жаром взялся за дело. Мы совместно с Василием Каразиным, Фёдором Ивановичем Янковичем де Мириево и Василием Севергиным они придумали отличную систему: половину времени студент учится, посещая лекции, семинары, лабораторные работы, коллоквиумы и прочее, а другую половину — работает по специальности, закрепляя полученный материал. Поэтому студенты две-три недели слушают лекции, потом две недели — коллоквиумы, семинары, а затем перемещаются прямо на заводы и несколько недель стажировются там на производстве, причём строго по специальности — выполняют чертежи, расчёты, разрабатывают техпроцессы изготовления различных деталей. Как уже указывалось, самые крупные и современные предприятия размещались на южной части Петербурга, как раз по дороге на Стрельну.

А для насаждения грамотности среди народа Каразину пришла в голову отличная мысль. Надо распространять среди них... книги! А ещё журналы и газеты, лубки, листки, афишки и всё в этом роде.

- Если крестьяне наши бросятся читать, если они приобретут вкус к чтению, то сразу же задумаются и о грамоте. Конечно, старики в школы не пойдут, а ВТО мальчиков станут отправлять, чтобы хот кто-то мог читать вслух!

Мысль показалась мне замечательной. Действительно, чтение — прекрасная форма развлечения! И мы с Каразиным начали рыть в этом направлении.

Первое же, что пришло мне в голову — комиксы. Много ярких интересных картинок, подписи под ними... наверняка всем захочется узнать, о чём же там речь, что за история скрывается за этими «фитами» и «ятями»! А историй, сюжетов для комиксов можно воспроизвести уйму — и русские народные сказки, и сказки народов мира, и чего ещё только нет!

Да, надо было сделать эту продукцию очень-очень дешёвой, но при этом занимательной. Пришлось Кулибину и Собакину покорпеть над печатной машиной, способной наносить на страницы красочные рисунки. И открыли мы народную типографию, где во главу угла поставили массовость и объём продаж, при низкой цене и приемлемом качестве.

Поначалу типография работала себе в убыток, но к этому мы были готовы. Когда количество умеющих читать крестьян достигнет хотя бы пятизначных цифр, ситуация переменится в нашу пользу, а там всё воздастся сторицей. Чтение долго ещё будет одним из основных развлечений, а значит, наряду с водкой, принесёт казне достойный доход.

Прочие министерства получили пока местоблюстителей. Однако кипучая политическая и деловая жизнь столицы не оставляли сомнений в скором выдвижении достойных кандидатур.

Иван Иванович Дмитриев возглавил Высший общегражданский суд. К тому времени я выяснил очень неприятную вещь: несмотря на все реформы, оказалось, что количество нерешённых судебных дел нисколько не уменьшилось! Лишь теперь до меня стала доходить причина этой судейской волокиты, коих было ровно две: во-первых — крайняя запутанность законодательства, отчего разрешение любого дела действительно становилось невероятно сложным процессом; во-вторых, интересами судейского сословия, имевшего возможности на любом долгом, запутанном деле бесконечно «стричь купоны». Короче говоря, ни перестановка кроватей, ни даже замена шлюх не помогли — нужно было целиком перестраивать бордель, снося кривые коридоры и ветхие комнатки, и создавая совершенно новую, ясную, простую, всеобщую систему правоотношений. Законы должны быть просты и понятны, суды — опираться на коллегии присяжных, и вся система — прозрачна и открыта для критики. Иначе — никак! И вот эту-то работу взял на себя названный господин Дмитриев.

Дело предстояло непростое. Наши законы были столь запутанны, что разобраться в них действительно было практически невозможно. Какие-то правила тянулись аж с Соборного Уложения 1649 года! Пришлось решать вопрос по методу Александра Македонского, рубанувшего, как известно, гордиев узел мечом: а в 21 веке это называется «регуляторная гильотина». Мы начали работу над сводом законов, делая всё с чистого листа; а все старые законодательные акты после введения нового Кодекса попросту отменялись.

Это было жёсткое и рискованное решение. Наши судьи иной раз не знали даже старых законов, а тут им предстоит учить новые! Пришлось и здесь пойти на крайние меры: все судьи и прокуроры были уведомлены, что будут отправлены в отставку, если не смогут сдать экзамены на знание нового законодательства.

И тяжёлая, неповоротливая административная машина Российской империи, с трудом меняя колею, двинулась в новом направлении...

* Бечевник - специально облагороженный берег реки, удобный для буксировки баржи "бечевой" - силами бурлаков или лошадей.

Глава 2

Письмо посла Великобритании сэра Чарльза Уитворда Его превосходительству премьер-министру Уильяму Питту.

Достопочтенный сэр!

Исключительная важность полученных сведений заставляет меня обратиться прямо к Вашему Превосходительству напрямую, минуя обычные каналы. На днях в Петербург прибыло датское посольство во главе с первым министром Седельстрёмом. Предмет переговоров между Датским и Петербургским дворами относится к разряду наиболее охраняемых государственных тайн Российской империи, но мне удалось в неё проникнуть. Первоначально меня пытались уверить, что предмет переговоров состоит в создании союза, способного противостоять атакам средиземноморских пиратов, подобного уже заключённому в предыдущий год между русскими и шведами. Поскольку такого рода соглашения могут содержать в себе зародыши новой лиги вооружённого нейтралитета, чьи принципы столь противны интересам и политике Великобритании, я удвоил усилия (как и выделяемые на это средства) и, с гордостью сообщая, что полностью преуспел в этом начинании.

Как выяснилось, переговоры об экспедиции на Варварийский берег – всего лишь ширма для более сложной и опасной переговоров. В действительности в Зимнем дворце при участии шведов идут русско-датские переговоры о полном закрытии для небалтийских стран Датских Зундов! Вашему превосходительству, конечно же, не надо объяснять важность балтийской торговли для нашего военного и коммерческого судоходства! Понимая всю чудовищность этих замыслов, я предпринял все меры. Чтобы проникнуть в самую их суть, и выяснил следующее: с прошлой весны, после того, как на Кронштадтском рейде по неизвестным причинам сгорело несколько русских военных кораблей, император Александр начал тайные совещания с представителями других балтийских держав, имея целью прекратить доступ в Балтику иностранных судов, прежде всего, конечно же, английских. Такие странные устремления он объясняет опасностью, исходящей от моряков английского торгового флота, якобы подстрекающих военных моряков балтийских держав к поджогам вверенных им военных кораблей. Несмотря на всю смехотворность обвинений, эти инсинуации имели успех, подкрепляемый действительно бытующими случаями неаккуратных и неразборчивых действий наших приватиров, иногда слишком вольно толкующих призывы закона. Таким образом, русский царь предлагает датчанам и шведам совершенно закрыть Зунды для английских моряков, заявляя, что каждое британское торговое судно в любой момент может сделаться капером, и прекратить доступ французских судов, якобы распространяющих революционную пропаганду. Что касается судов остальных наций, то предлагается повысить для них пошлину вдвое, а суда балтийских держав освободить совершенно от зундской пошлины. Вырученные от сего средства будут, как утверждают, направлены на устройство в проливах надёжных крепостей и на содержание большой флотилии канонерских лодок, способных полностью воспрепятствовать движению по Проливам.

Нет нужды объяснять вашему превосходительству, что все эти меры направлены сугубо против английского судоходства, и при их выполнении на столь нужный для английских судостроителей источник данцигского дуба, балтийской сосны, русской парусины и пеньки будет опущен непреодолимый железный занавес. Потому умоляю ваше превосходительство поставить в известность о происходящем Его Величество и парламент. Уверен, вы с присущими вам неизменными убедительностью и красноречием сможете донести до них всю опасность складывающегося положения.

Также прошу о возможно скорейшей компенсации сумм, затраченных мною на получение названной информации – 2.400 фунтов в местной монете. С тех пор как я перестал пользо-

ваться благосклонностью госпожи Жеребцофф, мои финансовые обстоятельства неуклонно ухудшаются, и я уже с трудом нахожу нужные средства для обретения столь важных для моей страны сведений. Поэтому, беру на себя смелость просить о выделении на эти цели специального вспомоществования в размере 5 000 ф. ст. в год.

Хочу, кроме того, сообщить, что выполнять свои обязанности в Петербурге с каждым днём становится всё сложнее. Многие люди, ранее весьма расположенные к Англии, теперь подвергаются допросам в созданной новым императором тайной полиции, причём ни высокий титул, ни занимаемый пост не служат к тому препятствием. Как говорят, на такой допрос вызывался даже русский посол в Англии Воронцофф, заподозренный в излишних уступках нашим торговым интересам. Ввиду этих неблагоприятных обстоятельств, указанная выше сумма, которую ваше превосходительство, возможно, сочтёт чрезмерной, в действительности может оказаться совершенно недостаточной.

Всецело ваши,

Ч. Уитворт.

Прочитав это, я скомкал бумагу и со злобой швырнул её в камин. Вот чёрт! Англичане докопались до истины много быстрее, чем я ожидал. Надо было задержать это письмо!

— Делепша отправлена адресату? — отрывисто, не своим голосом спросил я у Чернышёва, адъютанта генерала Скалона, представившего мне эти бумаги.

— Обычным порядком, Ваше Величество! — ответил юноша.

Иного ответа я и не ждал, хотя в глубине души надеялся, что чиновники почтового ведомства догадаются придержать это письмо. Но увы, — перлюстрацией занималась сама почта, а не Экспедиция общественной безопасности, и чиновники ведомства действовали всегда по предписанному регламенту: вскрыли, прочитали, скопировали, запечатали обратно, отправили адресату. А вот конкретно это письмо надо было задержать! И плевать на дипломатические последствия — это дело важнее каких-либо осложнений. Увы, от простых почтовых чиновников сложно ждать столь широкого кругозора, и письмо Уитворда беспрепятственно ушло в Лондон. И не нужно быть гадалкой, чтобы предугадать реакцию Сент-Джеймского кабинета — для Англии эта новость будет почище, чем извержение вулкана на Пиккадили-стрит!

Для британского судоходства доступ в Балтику необходим просто до зарезу. Дело в том, что именно отсюда они получают почти все кораблестроительные товары — дуб из Данцига, сосну из Риги, пеньку, смолу, железо и лён — из Петербурга. Угроза прерывания этих поставок, даже отдалённая, способна вызвать настоящую истерику в английском Адмиралтействе... а значит, гордый, но нервный и ранимый британский лев будет готов на любые буйства, лишь бы всё оставалось по-прежнему.

И теперь они знают о моих планах. Что же за этим воспоследует? Разумеется англичане не будут ждать, пока мы перекроем им кислород. Получив такое послание, Питт явно не будет стесняться в средствах, и незамедлительно отправит флот бомбить Копенгаген. А у нас ещё ничего не готово!

Едва вступив на трон, я предложил датскому принцу-регенту Фредерику очень масштабный проект — собрать в кулак все силы заинтересованных государств и перегородить проливы мощнейшими береговыми укреплениями. Вообще, датских проливов, грубо говоря, три — Эресунн, Малый Бельт и Большой Бельт. Первые два сравнительно узкие, их можно перегородить береговыми укреплениями и искусственными препятствиями на дне. На линии Хельсингборг-Хельсингёр, где пролив Эресунн имел наименьшую ширину, в дополнение к уже имевшимся датским и шведским укреплениям предполагалось устроить мощнейшие крепости, а также поставить дюжину бронированных плавбатарей, вооружив их уникальными по тем временам 68-фунтовыми «бомбическими» орудиями. Всё это дополнялось бы отрядами

канонерских лодок. На датском берегу, в Хельсингёре, базировались датские канонерки, а на противоположной стороне, в Хельсингборге, находились шведский отряд канонерок и гребных фрегатов — действуя сообща, они перекрывали

Большой Бельт много шире, защитить его можно только флотом. Я предложил использовать для этого объединённый датско-шведско-русский флот. Эта эскадра — как линейные корабли, так и гребные суда — базируясь на острове Самсё, должны были оборонять Большой Бельт. Оборона Малого Бельта возлагалась на датские береговые батареи.

Этот проект при его реализации мог бы дать балтийским странам огромные выгоды. Отпала бы нужда в многочисленных батареях и укреплениях по всему протяжённому побережью Балтийского моря; достаточно оборонять Датские проливы, и судоходство на Балтике вне опасности. Та же Швеция, не имея возможности возродить полноценный флот, охотно пошла бы на этот шаг. Конечно, чтобы всё заработало, прежде всего нужно политическое соглашение: балтийские страны должны в достаточной мере доверять друг другу, не ожидая удара изподтишка, и именно над этим я и работал последние полтора года.

Соглашение всячески оберегали от преждевременного разглашения. Поэтому первые работы по оборудованию береговых батарей и гаваней выполнялись в тайне, под видом устройства торговых пакгаузов. Тот факт, что «пакгаузы» имеют стены в десять футов гранита, а окна в них подозрительно напоминают бойницы, первое время никого не беспокоил. Лишь когда на месте производства работ всё чаще стали замечать русских морских офицеров, английский консул, обеспокоившись, начал выяснять ситуацию среди кругов, близких к датскому правительству. Очевидно, такое же задание получил и Уитворд. И вот теперь произошла утечка...

Чёрт побери! Похоже, я не успеваю! Весной мы бы перебазировали Балтийский флот и все батареи, какие бы успели построить, в Зунды, и после этого уже никто бы без нашего согласия в Балтику не прошёл. А теперь жди гостей: как только сойдёт лёд, английский флот атакует датчан, понуждая их выйти из соглашения. Мы же не сможем оказать им поддержку: эскадра в Кронштадте скована льдом, и выйдет из гавани лишь в конце апреля, а то и в мае. Есть ещё западная эскадра, базирующаяся в Нефритовой бухте в княжестве Эвер, но сил её явно недостаточно: там базируются в основном фрегаты для крейсерских действий.

За этими раздумьями я и не заметил, что поручик Чернышёв в своём красивом чёрно-синем мундире всё ещё навтыжку стоит передо мною.

— Вы можете идти, сударь! — отпустил я его, но юноша не тронулся с места.

— Ваше величество, соблаговолите выслушать! Может быть, для перехвата сего письма попробовать применить голубиную почту?

Надежда тут же возродилась во мне.

— Куда вообще отправлено это письмо сейчас? Там есть наша голубиная станция?

Волнуясь и краснея, Чернышёв забарабанил так, будто бы давно уже вызубрил ответ:

— Корреспонденция в Англию, не исключая и дипломатической, зимою санями отправляется в Курляндию, откуда уже может быть погружена на борт судна. Для надёжности, если берега возле Либавы содержат плавающий лёд, иногда письма везут прямо в Данциг, и лишь там её грузят на корабли. Мы можем послать уведомление в Ригу, где имеется станция приёма голубиной почты, или же в Вильно!

— А где сейчас может быть почтовые сани?

— Вероятнее всего, уже в Литве!

Я снова нахмурился. Голубю ещё нужно долететь до пункта назначения, а людям, принявшим письмо, понадобится время организовать преследование и перехват почты. А ещё голубь может не долететь...

— Сможет ли птица достичь Риги в такие морозы? — спросил я у Чернышёва, прекрасно понимая, что такого рода вопросы не входят в сферу его компетенции. Однако юноша не растерялся:

— Ваше Величество, Служба имперской голубиной почты тренирует их летать равно как летом, так и зимою, когда всё укрыто снегом. Действительно, молодой голубь может сбиться с пути, если не сможет узнать местность из-за снегового покрова, но в большинстве случаев даже в самую непогоду они благополучно долетают до места. А ещё можно для надёжности послать не одного, а нескольких голубей!

Я медленно выдохнул. Как замечательно, что ведомство Скалона покрыло страну сетью станций голубиной почты! Я-то всегда с презрением относился к такому примитивному способу сообщений, надеясь на электрический телеграф. Но это — дорогое удовольствие, и пока у нас введено в действие лишь несколько линий, соединяющий Зимний Дворец с Кронштадтом, Петергофом и несколькими фортами. В этом году хотим ещё построить линию до Царского Села, и даже Москва — дело весьма отдалённого будущего.

— Отлично, давайте так и поступим. Надеюсь, у Антона Антоновича найдётся на границе пара толковых людей, способных решить эту проблему... чисто.

— Так точно! Разрешите идти? — радостно прокричал поручик и, откозыряв, буквально выбежал из моего кабинета.

А я остался волноваться.

Лишь через две недели пришло достоверное подтверждение, что письмо английского посланника было перехвачено нашими драгунами, причём уже на прусской территории. Это был несомненный успех, за который юный поручик Александр Иванович Чернышёв, не побоившийся обратиться к императору, был награждён орденом Св. Анны и «аннинским» оружием. Конечно, он был счастлив; а я же был рад вдвойне — и благополучному исходу дела, и обнаружению очередного бриллианта в свою «интеллектуальную» корону. Парню всего 14 лет, а как варит у него голова! Определённо, он далеко пойдёт...

И тем не менее, поскольку Уитворд что-то разнюхал, оповещение английского правительства о наших планах было лишь вопросом времени. Прежде всего, следовало найти источник утечки информации — ведь если сэр Чарльз нащупал какой-то способ узнавать тайные намерения нашего кабинета, решительно ни в чём теперь нельзя быть спокойным и уверенным... И я приказал задействовать агента «Клавесин». То есть мадам Шевалье.

Сэр Чарльз Уитворд после разрыва с мадам Жеребцовой так и не нашёл себе постоянной пассии, так что чары обольстительной француженки попали точно в цель; вскоре этот новый Одиссей оказался околдован коварной галльской Цирцеей. И тут вскрылись самые смехотворные обстоятельства...

— Господин Кочубей, вы каждый почти вечер играете в вист в Английском клубе. Не так ли? — строго спросил я у молодого чиновника.

— Да, это так! — довольно спокойно ответил он, не подозревая, какие громы я готовлю для его рано начинающей лысеть головы.

— И ваш портфель с документами вы безмятежно оставляете на диване в прихожей, не так ли? — уже строже спросил его я, буравя взглядом своих серых глаз.

Историки говорят, что у Александра был рассеянный и безмятежный, «ангельский взор», а вот у Николая — пронзительный взгляд, как у Василиска. Могу сказать определённо: ничего подобного! При известной необходимости и близорукий Александр Павлович мог поглядеть так, что у вельмож и чиновников волосы дыбом вставали сразу во всех местах! И вот сейчас бедолага Кочубей по моему взгляду начинает догадываться, что дело совсем плохо, но ещё не понимает, где именно он, как тут говорят, «прошибся».

— Пока вы там играете с господами резидентами, швейцар Фёдор по заданию некоторых известных вам господ роется в вашем портфеле и таскает бумаги на перекопировку. И уже натаскал себе на четырёх червонцев и три Сибири! Он, конечно, дурак; но отчего же вы не

умны? Вам следовало уберечь бедолагу от такого искушения, а вы своей беспечностью просто потакали человеческим слабостям! Это, знаете ли, тоже на Сибирь вполне потянет!

Тут у Виктора Павловича задрожали губы.

— Ваше Величество... Я... Я никогда... Ваше Величество!

И рухнул на колени, подлец. Ну никак их не отучу!

— Ладно, ладно, успокойтесь. С кем не бывает... Только вы эти ваши картишки потихоньку бросайте. Ни к чему это, баловство. А что касательно паршивца швейцара, так мы его заставим теперь передавать англичанам *дезинформацию*, сиречь враки. А вам на будущее урок — не таскайте документы домой! То, что происходит в министерстве — должно оставаться в министерстве! Понятно! Ну всё, ступайте, и скажите там, чтобы ко мне срочно явились Сперанский и Скалон. Срочно!

Вскоре Михаил Михайлович и Антон Антонович (воля ваша, но что-то трогательное есть в этих одинаковых именах- отчествах) уже сидели передо мною.

— Господа! — тут же взял я быка за рога. — Необходимо надо наисрочнейшим образом составит Положение о секретности во всех наших учреждениях. А то у нас не ведомства, а проходной двор! Вы, Михаил Михайлович, хорошо знаете канцелярскую часть, а вы, полковник — безопасность. Объедините усилия и составьте документ, которым будут определены способы сохранения государственной и служебной тайны! Архисрочно! Архиважно! Десять дней на всё про всё! Ну что вы тут сидите? Извольте идти исполнять; время пошло!

Глава 3

Мейер Амшель Ротшильд подошёл к огромному, в два человеческих роста, окну, выходящему на Олдерсгейт-Корт, оживлённую улицу лондонского Сити, и коснулся стекла рукой. Привезённый из Петербурга «стеклопакет» прекрасно заглушал звуки беспрестанно проезжавших карет и кэбов, громылавших своими высокими, окованными колёсами по булыжникам мостовой.

«Как странно» — невольно подумал он — «не могу отделаться от чувства, что меня от этих людей, там, на улице, отделяет не менее полутора, а то и двух веков. В мою, разумеется, пользу».

В кабинет кто-то вошёл. Мейер не услышал это, а скорее почувствовал по движению воздуха. Он обернулся и увидел, как слуга в белоснежных перчатках и старомодном накрахмаленном парике с тупеем ставит на стол изящную чашку веджвудского фарфора, полную крепкого чая с молоком. Безукоризненно чётко выполнив свою работу, слуга заученно поклонился и, также бесшумно как и вошёл, покинул кабинет, мягко ступая по прекрасному персидскому ковру.

Ротшильд отошёл от окна, присел за огромный стол красного дерева, поднял чашку, сделал глоток. Вообще говоря, в Гессене он привык к кофе; но здесь, в Лондоне, нужно было перенимать привычки англичан. «Раз уж я теперь „английский еврей“, надо полюбить эту страну; её ужасный климат, отвратительную еду, странные традиции и грубоватых в своём своеобразии жителей. Уже многие сотни лет приспособляемость к обстоятельствам — наш образ жизни и ключ к выживанию. Не мною это придумано, не мне это менять».

Откинувшись в просторном, комфортном кресле с тёмно-зелёной обивкой, родоначальник дома Ротшильдов на мгновение устало прикрыл глаза. За последние несколько месяцев он вымотался до предела. Это, как говорят христиане, была «адская работёнка»! Сначала — срочный визит в Петербург, на встречу с императором Александром. Разговор с этим человеком потряс его до глубины души, а открывающиеся перспективы просто захватывали дух! Вернувшись с подробными инструкциями, Мейер развил кипучую деятельность, создавая костяк, структуру своей будущей финансовой империи. Все его сыновья, кроме старшего — Натана — были отправлены в первейшие европейские столицы для организации там банковских домов. Сам же Ротшильд старший вместе с сыном Натаном обосновался в Лондоне, где зарегистрировал финансовую компанию и торговый дом, предназначенный для реализации огромной партии неспешно плывущего из Кантона чая. И количество вопросов, которые пришлось решать на этом пути, даже для такого работоспособного человека, как Мейер Амшель Ротшильд, оказалось чрезвычайно большим!

— «Пора передавать бизнес сыновьям» — подумалось Мейеру. «Мой старший, — Натан — подаёт самые превосходные надежды. Счастлив тот, кто сумел правильно воспитать своих сыновей! Возможно через 2-3 года, когда бы твёрдо станем в Лондоне на ноги, я смогу отойти от дел. Но как же всё-таки хочется увидеть, что будет дальше!»

Герр Мейер (теперь, в сущности — «*мистер* Мейер») медленно допил чай, наслаждаясь каждым глотком. Когда-то в юности, будучи учеником старого ганноверского банкира Якоба Оппенгеймера, он вечно куда-то спешил: торопливо ел, недопустимо быстро глотал дорогое вино, не запоминал имена своих любовниц... Лишь с годами он понял, что так нельзя. Жизнь слишком ценна и неповторима, чтобы тратить её на бесконечную беготню. Нет, надо уметь прочувствовать каждое её мгновение; и даже этот непривычный и слишком крепкий, на вкус Мейера, напиток, достоин того, чтобы им насладились без суеты.

Допив чай, Мейер отставил чашку ближе к краю стола и дёрнул шнурок звонка, чтобы лакей забрал её. Ещё тёплый от содержавшегося в ней напиток фарфор глухо стукнул о дев-

ственно-чистую полированную поверхность, тонко звякнула серебряная ложечка. Мейер покосился на чашку. Прекрасный сервиз! Действительно изящная вещь, и очень... английская, что ли. И особенно занимательно, что такие превосходные вещи фабрика «Этрурия», основанная в Стаффордшире, делает десятками тысяч в год. Император Александр говорил ему, что основатель фабрики Джозайя Веджвуд был настоящий гений нашего времени, и очень сожалел, что преклонный возраст не позволял пригласить его в Петербург. Веджвуд сумел очень рационально организовать производство и роспись фарфора; так, рамки на посуду наносили шаблоном, затем самые неопытные рисовальщики делали травянистый орнамент, более опытные мастера — пейзажи, а самые лучшие — фигуры и лица людей. Говорят, у Веджвуда работал художник, всю жизнь рисовавший на тарелках и чашках только овец; другой выводил исключительно нимф в туниках, третий — фавнов, и так далее. «Это гениальное прозрение — объяснял император — позволяет фабрике Веджвуда завоевывать рынок даже сейчас, после смерти её основателя. Массовое производство — это будущее. И вы, герр Ротшильд, можете прославить себя, правильно организовав предоставление финансовых услуг широким слоям общества».

Дверь вновь бесшумно отворилась, и в кабинет вошёл Генри Стоктон, секретарь Ротшильда.

— К вам посетитель, сэр! — кланяясь, произнёс он, протягивая визитную карточку гостя.

— Спасибо, Генри.

Мейер повертел в руке кусочек картона с золочёным тиснением. Мистер Иерёмия Кавилл, из Бирмингема. Торговец чаем. Ну разумеется!

Секретарь стоял в той же полусклонённой позе, почтительно ожидая ответа. Нет, всё-таки английский персонал, особенно когда им достойно платишь, оказывается выше всяких похвал! Никаких там «Что ответить посетителю» или «Прикажете просить?». Просто стоит и ждёт решения босса — самое правильное поведение для подчиненного!

— Пусть он войдёт! — мысленно вздохнув, произнес Мейер, и слуга немедленно отправился за посетителем.

Вошедший господин был одет неброско, но в высшей степени респектабельно. Мейер сразу оценил прекрасной выделки шерстяное сукно его сюртука, и изящно, со вкусом выполненную круглую шляпу. Да, надо признать, англичане имеют вкус к хорошей одежде! Также Мейер не мог не отметить, что плащ посетителя, блестящий от капель дождя, явно был пропитан гуттаперчевым «русским составом» — а это очень дорогая в Лондоне вещь, не говоря уже о Бирмингеме. Короче, перед Мейером предстал весьма представительный, и недавно преуспевающий господин, позволявший себе приобретать самые лучшие и качественные вещи. Но лицо гостя выдавало его текущее положение: коричневые круги под глазами — от бессонницы, трясущиеся щёки, твёрдо сжатые складки губ, загнанное выражение глаз — всё это неоспоримо свидетельствовало, что душевное состояние гостя далеко от благополучного.

— Доброго дня, мистер Кавилл! Сердечно рад знакомству. Не желаете ли чаю? — последнее слова Мейер произнёс не без колебаний. В доме повешенного не говорят о верёвке; но Ротшильд всё же решил исполнить долг вежливости, и, радушно предлагая гостю чай, сам в душе поражался цинизму собственного вопроса.

Мистер Кавилл, оценив иронию ситуации, горько усмехнулся, и отказался от чашки.

Мейер лишь тихонько вздохнул. Именно за чаем этот господин и явился, да только его интересует не чашка, а несколько тысяч ящиков. За последние две недели Мейер принимал таких просителей по несколько в день, и уже устал выслушивать одно и то же. Все эти люди — бизнесмены средней руки, попавшие под колесницу Джаггернаута под названием «монополия на чай». И у всех у них одна и та же проблема, хорошего решения которой, увы, не существует. Но выслушать его придётся!

— Присаживайтесь, мистер Кавилл. Итак, чем обязан?

Пока посетитель рассказывал свою немудрёную историю провала, Мейер, делая вид, что внимательно слушает его, как всегда, размышлял о своём. Но почему-то сегодня вместо твёрдых и рациональных расчётов его тянуло на философствование. Возможно, потому, что все расчёты уже были совершены и закончены, и оставалось лишь следовать детально разработанному плану... периодически выслушивая бедолаг типа этого джентльмена.

«Мне надо *утроить* сумму». Так напутствовал его император Александр, провожая из своего кабинета в Адмиралтействе. Царь хочет на каждый вложенный талер получить два, и это без учёта затрат! Масштабно, учитывая, что речь идёт о миллионах фунтов, но нельзя не признать, что цель эта более чем реалистичная; и крупные, задымленные города Великобритании, и быстрорастущие поселения американского Восточного побережья, — все они жаждали чая, и готовы были заплатить и вдвое, и втрое против прежней цены. Более того, Мейер тотчас увидел пути, которыми он может попутно заработать.

Ведь основная масса денег от этой смелой операции генерируется в Англии; именно здесь распродаются самые крупные партии чая, а значит, здесь происходят и самые значительные денежные поступления. А Англия — это не просто страна, а битком набитый гигантский пакгауз, где при некоторой ловкости можно дёшево купить самые разные товары из отдалёнейших уголков мира. Затем эти товары развозятся по разным медвежьим уголкам Европы (дальше и не надо) и продаются с маржей 20-30%. И — вуаля! — ты получил на чужих активах отличную прибыль, совершенно не использовав собственных денег! Мейер уже проделывал это с доверенными ему деньгами герцога Гессенского, покупая в Англии ткани и продавая их в княжествах Западной Германии. Но увы, русский царь оказался не чета гессенскому курфюрсту. У него судьба вырученных средств оказалась расписана на годы вперёд!

Во-первых, следовало закупить в Англии и Германии множество различных товаров и отвезти их на продажу в Испанию. Вырученные на этой негодии средства в основном передавались правительству Испании; в обмен испанцы вновь отгружали в Акапулько своё американское серебро и золото для перевозки в Китай. В Кантоне на эти средства закупалась большая партия чая, фарфора и шёлка, перевозимая затем в Европу. И так год от года по кругу!

Кроме того существенную часть денег император Александр приказал пустить на устройство двух компаний: почтового «Общества Меркурий» и торговой компании «Русский Дом». Их деятельность должна была охватить всю территорию Европы и России. «Русский дом» должен был заниматься продажей разного рода потребительских товаров, в том числе по каталогам и образцам; «Меркурий» же назначался для устройства дилижансовых перевозок, предоставления невиданно дешёвых и массовых услуг почтовых отправок, а заодно должен был рассылать покупателям заказанные по почте товары компании «Русский дом». И когда Мейер задумывался о потенциальных возможностях такого бизнеса — у него кружилась голова. И как только выращенный в золотой клетке русский царь мог додуматься до такого? Казалось, это совершенно немыслимо..., но это было так.

Ещё в планах императора был совершенно чудовищный по своим масштабам и дерзости «Голландский проект». Мейер пока ещё не знал всех его деталей, но уже понимал, что это будет нечто потрясающее. И, разумеется, он уже обдумывал, как соблюсти в этом деле в свой интерес...

Что же касается текущего «чайного» дела, тут Ротшильд всё же нашёл способ урвать свою долю: он просто повышал цену, не утраивая, а учетверяя прибыль, и отправляя излишки себе в карман. Конечно, это делало положение таких людей, как этот Иеремия Кавилл, совершенно безнадежным, но — какое дело царю до страданий бизнесменов из английской глубинки? И какое дело до этого Мейеру?

Из задумчивости банкира вывела внезапно наступившая тишина — господин из Бирмингема закончил свой рассказ и теперь выжидательно смотрел на него. Что же, наступает самая неприятная часть их общения...

— Итак, господин Кавилл, — подытоживая печальное повествование визитёра, произнёс Ротшильд, — вы говорите, что обещали лавочникам славного города Бирмингема продать им семнадцать тысяч фунтов кантонского чая по цене два шиллинга шесть пенсов за фунт, и в ожидании сделки приняли от них авансов для предоплаты поставщикам в размере двадцать шесть тысяч шестьсот фунтов. Вы давно уже вели торговлю на подобных условиях, и не ожидали в этот раз каких-либо сложностей. Затем, когда корабли из Кантона пришли с пустыми трюмами, вы бросились искать иной способ исполнить свои обязательства, и столкнулись с тем, что отпускная цена чая в Саутгемптоне повысилась в четыре раза против прошлогодней. Имеющихся у вас средств недостаточно для закупки нужных объёмов, а ваши доверители отказываются от возврата денег, требуя от вас оговорённое количество чая. Я ничего не пропустил?

— Всё именно так и состоит, господин Ротшильд! — печально кивнул посетитель. — Мне сообщили, что вы сейчас — главная шишка по поводу чая, и вот я здесь. Я знаю, что вы ничем мне не обязаны, и мы впервые видим друг друга, но, Господом Богом всемогущим заклинаю вас — скажите, есть ли какой-нибудь достойный выход из моего положения?

Увы, заклинать Мейера Богом было бесполезно.

«Даже если вас проглотили — у вас ещё остается два выхода» — всплыла в голове Ротшильда циничная шутка, слышанная им в коридорах Зимнего дворца. Но вслух он, конечно, не стал её произносить — это было бы слишком жестоко.

— Единственным достойным выходом для вас будет немедленное банкротство — холодно ответил Мейер, с напускным сочувствием глядя на посетителя. — Я сотрудничаю с барристерским бюро «Холкомб, Голсуорт и сыновья» Они прекрасно разбираются в нюансах этой процедуры и сделают всё наилучшим образом. Увы, мистер Кавилл, но, но так обстоят дела. Иного варианта для вас просто нет — ваши кредиторы полностью в своём праве; разумеется, они до конца будут требовать от вас проставить продукт по прежней цене, невзирая на то, что в нынешних условиях это невозможно!

Кавилл достойно принял удар. Видимо, он заранее знал, что ничего хорошего его не ждёт, и ехал сюда лишь для очистки совести.

— Мистер Ротшильд, я очень благодарен вам за предложение юридической помощи. В моём положении это более чем необходимо! Но скажите, что же мне делать потом, когда меня обанкротят? Ведь после этого я не смогу заниматься бизнесом, а всё имущество моё будет распродано с торгов. Куда же мне обратиться? В рабочий дом?

— Отнюдь. В Лондоне открывается новая, как теперь говорят, «многопрофильная» торговая компания «Русский Дом». Вас непременно примут в неё на достойную должность. Конечно, вы будете много беднее, чем раньше, но от голоду не умрёте, а карьерные возможности, предоставляемые этой структурой, поистине безграничны! Вам будет предоставлен шанс попробовать себя в этом деле. Мы знаем, что вы опытный бизнесмен, а ваша последняя неудача, ставшая столь фатальной для бизнеса, ни в коей мере не бросает тень на ваши способности! Что-то ещё, мистер Кавилл?

Посетитель понял, что таким образом его вежливо выпроваживают вон, и взялся за свою круглую шляпу. Поднявшись, бирмингемец последний раз взглянул Мейеру в глаза.

— Прошу вас, герр Ротшильд, ответьте мне ещё на один, последний, вопрос. Как вы можете заниматься этим? Ведь вы уничтожаете целые торговые дома, существовавшие столетиями! Это просто чудовищно! И всё это — для властолюбивого русского императора, решившего, видимо, подмять под себя всю Европу, как во времена гуннов это сделал Атилла!

Ротшильд внутренне усмехнулся. Да что ты говоришь! Не нравится, как работает свободный рынок? Ну извини, дружок! Эта страна — главный апологет рыночной системы, и жители её пользуются всеми её преимуществами, но при этом ощущают в полной мере и её недостатки. А в жизни вообще не стоит на месте: в это же самое время в Индии войска английской Ост-

Индской компании разрушают целые империи, и никто не испытывает по этому поводу никаких моральных терзаний!

Но Мейер понимал, что мистеру Кавиллу глубоко плевать на бенгальских обезьян, так что это пример приводить бесполезно. Поэтому вслух он ответил совсем другое:

— Мы не нарушаем никаких правил, мистер! Наш дом на совершенно законных основаниях приобрел чай в Китае; затем мы привезли его сюда и установили ту цену, какую считаем нужной. Это *законно*. До свидания, мистер Кавилл!

Вот так вот. Англичане любят «честную игру». Стоит им указать, что всё происходит «по правилам», как им не остается ничего другого, как просто заткнуться и отправиться восвояси, в свой Бирмингем.

Посетитель ушёл. Мейер, подойдя к своему гигантскому окну и проводил его взглядом. Кавилл сел в кэб и отправился в свой Бирмингем, чтобы через несколько лет стать управляющим местного филиала компании «Русский дом».

«Удивительные существа эти гои, — думал Ротшильд, отходя от покрытого серебристой паутиной мелких капель окна. Они готовы копаться в навозе, доить коров, плыть куда-то за тридевять морей к неведомым землям, для того чтобы заработать себе немного денег на жизнь. А ведь чтобы у тебя были деньги, нужно лишь одно — делать деньги! Неужели это так сложно понять? Ведь это же так очевидно? Отчего же в этом мире полно крестьян и горняков, и то время так мало финансистов и банкиров? Да все, абсолютно все должны были бы броситься в ту сферу, где так много денег! Но нет; слишком многие люди, как говорят в Гессене, за деревьями не видят леса...» И этого Мейер решительно не мог понять.

Даже такой потрясающе умный, (да что там умный — гениальный!) человек, как император Александр, при всей своей прагматичности и умении широко смотреть на дело, возвысившись над обывательскими представлениями и мелкими расчётами, (тут надо отдать ему должное — чего стоит одно только «Чайное дело») тоже иногда заносится в какие-то заоблачные дали. Помнится, он рассказывал про какой-то проект «Единого Государства», и про невиданное процветание, что сулит его установление. Ну что за ерунда? Никто и никогда не согласится на такое — слишком разные люди живут даже в Европе, не говоря уже про иные континенты...

Впрочем, мир, несомненно, меняется. И таким как Мейер Амшель Ротшильд, становится в нём всё комфортнее. Ведь ещё триста лет назад в Англии не было ни одного еврея — их просто не пускали в страну! А вот поди ж ты, как всё переменилось...

Его размышления вдруг прервал почти бесшумный звук открывающейся двери. Это был Натан. Он весь день работал в конторе внизу, а теперь, как всегда, поднялся к отцу.

— Неужели уже 5 часов? Как быстро летит время! А ты очень кстати: не желаете ли чая, мистер Натаниэль Ротшильд?

А через четверть часа, медленно, крохотными глотками принимая ароматную бежевую жидкость, Мейер произнёс то, о чём раздумывал уже давно.

— Знаешь, Натан... Похоже, наступает наше время!

Глава 4

Когда в 1796 году начиналась Персидская война, я не питал на её счёт никакого энтузиазма. Мне казалось, что эта затея — просто очередная бестолковая трата денег, затеянная императрицей с подачи Зубовых. Но со временем я переменял своё мнение.

Действительно, когда в известной мне истории император Павел прервал этот поход, это обесмыслило все ранее достигнутые успехи. Что стоит дело, брошенное на половине? А ведь если довести его до конца, результат мог бы быть совсем неплох. После долгих колебаний я не стал прерывать его, и теперь мог гордиться правильным геополитическим решением! Мир с персами, заключённый Бонапартом, был исключительно выгоден: в течение ближайших семи лет к нам поступит персидских товаров на сорок семь миллионов риалов, Апшеронский полуостров с его нефтяными колодцами переходит в полное наше владение, грузины признаются независимыми от Тегерана, а наш пятнадцатитысячный корпус остаётся в Персии до полной выплаты контрибуции на содержании местных властей. Ну а самое главное — в Тегеране теперь сидит наш шахиншах, подписавший с нами союзный договор. Последний пункт особенно ценен — при установлении тесных взаимоотношений мы можем здорово пощипать владения Османской Порты. Персы давно уже мечтают о междуречье Тигра и Евфрата, ну а мы можем подсушиться с другой стороны... мечты, мечты. Однако теперь передо мною вставали новые задачи: ведь раз Персия теперь — союзник, надо думать над укреплением, а не разрушением её государственности!

Прошло полтора месяца, и Николай Карлович Бонапарт прибыл в Петербург. Александрин была счастлива. Она уже несколько раз порывалась уехать к любимому в Персию, и лишь мои заверения, что война не продлится долго (ну и усиленная охрана, разумеется) могли сдержать её дома. Воссоединившиеся супруги поселились в Шепелевском доме, (это здание на углу Зимней канавки, всегда использовавшееся для размещения там важных гостей императорской фамилии). Разумеется, Николай Карлович был щедро вознагражден: Георгиевский крест второй степени, золотое георгиевское оружие и чин генерал-поручика достойно оттенили его успехи.

От каких-либо значимых денежных пожалований я воздержался, памятуя равнодушие свояка к материальным вознаграждениям. Впрочем они особенно и не требовались: он и так уже взял своё «шпагой». Из Персии Бонапарт притащил целый ворох восточных тканей, и теперь Наташа и Александрин каждый божий день щеголяли в новых персидских шالях; ещё с ним приехала огромная коллекция драгоценностей, прекрасно украшенного восточного оружия, старинных доспехов, ваз, и даже персидских картин домусульманской эпохи. Бонапарт, надо признать, всегда ценил и понимал искусство, и пусть в этом мире ему не удалось разграбить Венецию, но уж в Тегеране, Ширазе и Тебризе он оторвался по полной. Количество привезённого им в собственном багаже было просто огромным; а с армией должен был прийти обоз, где ценностей было ещё больше. Мне пришлось даже вызвать Александра Сергеевича Строганова, Президента Академии Художеств, и обсудить с ним создание специального Персидского зала в Эрмитаже.

Ещё одной, менее галантной вещью, привезённой Бонапартом из Тегерана, была огромная банка с заспиртованными головами ханов Гянжи, Эривани, и трёх персидских сардаров. Эти люди, устроившие в 1795 году разгром Тифлиса, конечно, считали себя вправе покарать грузин за их «измену». Но, если подумать, ведь каждый из них прекрасно понимал, что отдавать город на разграбление диким курдам и туркменам — дело скверное. Жители Тифлиса решительно никак не могли повлиять на политику царя Ираклия II и, в отличие от него, ничем не провинились перед Шахиншахом. Так что, в данном случае мы продемонстрировали адресное возмездие, уничтожив командующих персидской армии, участвовавших в том походе, и

большую часть их войск. Впрочем, эти черепа мне были совершенно не нужны, и я приказал переправить их в Тифлис, в утешение грузинам. Забегая вперёд, скажу, что престарелый царь Ираклий, получив столь сомнительный презент, приказал захоронить бранные останки персидских вельмож по христианскому обычаю. Явилось ли это актом милосердия, или, наоборот, своеобразным религиозным троллингом (хоронить головы мусульман на христианском кладбище — неоднозначное деяние), так и осталось для меня неизвестным.

Кроме того, очень своеобразными предметами, вывезенными Николаем Карловичем с Востока, оказались несколько телохранителей-парсов, ни слова не знающих ни по-русски, ни по-французски, а потому совершенно неподкупных, а также трое персидских докторов. Последнее меня особенно удивило, и на торжественном ужине, посвящённом герою этой компании я первым делом спросил его:

— Неужели, Николай Карлович, вы полагаете этих безграмотных знахарей лучше европейских или русских лекарей?

Видя мой скептицизм, Бонапарт нахмурился.

— Я понимаю ваши сомнения, но часто это действительно так. Я наблюдал неоднократно положительный результат их лечения. Там, где наши врачи торопятся отсечь раненую руку или ногу, персы проводят долгое, тщательное лечение, и обычно спасают конечность!

— Вот как? Неужели их медицина лучше европейской?

— Не совсем. Беда наших врачей в том, что на них приходится много — иногда сотни — раненных или больных. А у персов всё по-другому: их врач не берет себе более трёх пациентов и не отходит от них ни днём, ни ночью. Конечно, такое внимание врачей доступно в Персии лишь очень богатым людям, а простые сарбазы остаются вовсе без лечения. Но всё же ведомству господина Самойловича* есть чему у них поучиться!

— Что скажете вы о Персии и персиянах?

— Персия — страна безусловно богатая и отличается прекрасным, здоровым климатом. Базары в Тегеране и Реште многочисленны и снабжены хорошими товарами, а сами города стоят в окружении садов, больших и малых деревень. Везде можно видеть чрезвычайно живописные прелестные долины, орошенные быстрым ручейком, около которого растут, как в прекрасной садовой аллее, высокие тополи. Садов чрезвычайно много, и фрукты в них отменно хороши; виноград, персики, абрикосы, черешня, арбузы и дыни растут в изобилии, раззолоченные великолепным восточным солнцем. Впрочем, Персия велика, и населённые местности перемежаются в ней скалистыми горами, солончаковыми пустынями и болотистыми низинами, где лихорадка не ограничивается сотрясанием бранных людских тел, а поселяется даже в собак, кур и кошек.

Персидское вино, приготовляемое в основном армянами, не отлично, однако же, не может назваться и дурным: оно что называется по-французски «potable»**. Я уверен, что если бы в Персии были сведущие виноделы, то прекрасный разнородный виноград производил бы отличные вина! Сами персы любят сладкое Ширазское вино, и много есть среди них больших до него охотников!

— Персы? Пьют вино? Неужели? Они же все мусульмане? — удивилась Наташа, оторвавшись от накармливания Александра Александровича.

— О да, моя императрица! Жители больших городов вообще не очень строго держатся законов Пророка. Что касается до вина, то, несмотря ни на запреты Корана, ни на усердие мулл, иногда довольно строгих блюстителей чистоты веры и нравов, эта контрабандная жидкость в большом употреблении в высшем сословии и у богатых людей. Конечно, ни один правоверный открыто не осмелится осквернить уст своих прикосновением к чаше с вином, но зато тайком, запершись в отдаленные комнаты своих гаремов, персияне напиваются пьяны хуже всякого *кафира*. Скажем, казвинский беглербег, Менелик-ага, человек пожилой и слабый, до того при-

страстился к вину и притупил им вкус, что, как говорят, уже никакой напиток не приводит его в опьянение!

«Ну надо же!» — подумалось мне. «Таинственный Восток, мать его... сколь многого мы не знаем об окружающем мире!»

— Генерал-поручик, у меня будет к вам важное поручение, — произнёс я, решив перевести разговор в практическую плоскость. — Вам следует написать официальный отчёт об этой компании, обобщив в нём весь накопленный боевой опыт. Для сколь можно подробного описания боёв привлечите своих отличившихся в компанию офицеров. Мы потом разошлём этого войска, дабы там не забывали о способах войны с восточными народами и в следующий раз не изобретали заново велосипед... И в будущем всегда поступать также: ни грана боевого опыта не должно пропасть втуне!

— А что скажете вы про их армию? — тут же спросил у Бонапарта Александр Васильевич, баюкающий на коленке внука и давно уже ёрзавший от нетерпения. Обожая военные действия, Суворов очень сожалел, что так и не попал в Персию. Подозреваю, что этого обстоятельства тесть мне никогда уже не простит...

Надо сказать что Николай Карлович всегда отличался непроницаемым выражением лица, по которому совершенно невозможно было предугадать, о чём он думает. Однако сейчас, лишь взглянув на него, я сразу понял — о персидском войске он очень низкого мнения.

— Армия этой державы очень слаба, причём в любом её компоненте. Персидский солдат, как пехотный, так и кавалерийский и артиллерийский, даже выглядит нелепо, и вовсе не имеет воинственного вида. Их пехотинцы — *сарбазы** (регулярного пехотинца) очень не трудно. Красный однобортный мундир с широкими полами сидит на нем мешковато, широкие белые шаровары, и некое подобие сандалий на ногах у европейских воинов вызывают лишь презрительную улыбку. Все это надето и держится криво и косо. С сотворения мира и по ныне, ни один человек, с оружием в руках прогуливающийся по земному шару, не имел такого странного, смешного и вместе жалкого виду! К этому всему стоит добавить самую нелепую причёску: головы у них выбриты, за исключением пуклей на висках, называемых *зюльфиры*, и *чуба* — хохла на маковке; и всё это прикрыто прескверной бараньей шапкой. Комичное, доложу я вам, зрелище! Притом, все они низкорослые, и французские ружья тяжестью своею, кажется, так и давят несчастных к земле...

— Итак, их войско выглядит нелепо; но внешность бывает обманчива! Возможно, оно имеет некие внутренние достоинства? — спросил я. — Ведь трудно предположить, что такая древняя держава могла бы существовать столько лет, не имея исправной военной машины!

Сидевший рядом Аркадий Суворов только усмехнулся.

— Наверное, не нужно говорить вам, Ваше Величество, что любая пехота лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она дисциплинирована и обучена. В Персии мы этого не видели совершенно, несмотря на все усилия иностранных инструкторов привести войска шаха хоть к какому-то приличному виду. Вообще, должно сказать, что из персиян трудно, если не невозможно, сделать хороших воинов: отсутствие европейского понятия о чести и необыкновенная трусость, всеобщая в Персии, есть первые и главные к тому препятствия; а присоединив лень и нерадение, трудно вообразить себе, чтобы при таких условиях можно было устроить какую-нибудь толковую армию.

— Это плохо — ведь теперь, поставив «своего» шахиншаха, мы с персами стали союзники. Вообще в армии шаха есть иностранные офицеры?

— Да, они появились с воцарением Каджаров. Хотя французские офицеры, находившиеся в службе его шахского величества, действительно старались образовать войско, не жалея самых энергических восклицаний при обучении солдат, однако все что-то не ладилось!

Насмешливо улыбавшийся всё это время Аркадий Суворов, утолив к тому времени свой молодой аппетит, тоже решил рассказать о своих персидских впечатлениях. Судя по всему, он полностью разделял мнение своего шефа о персах.

— Как-то раз, приметив впереди себя караул, который занимался вечернею зарею, я поехал к нему, и увидел совершенно курьезные вещи! Несчастный барабанщик и два или три флейщика, нисколько не думая о том, что все они заняты одним и тем же делом, играли военную музыку всякий по-своему, без малейшего уважения к такту и гармонии. В это же время караул, которому они играли, стоял под ружьем, выстроившись в наикривейшую из всех возможных линию, и представляя собой самое беспорядочное целое, какое только можно вообразить. Иные стояли, сложив под ружьем руки, другие почесывали в голове, и так далее. Наёмный офицер, толстый рыжий англичанин, стоял сбоку и командовал ими по-персидски, перемежая речь свою типическими британскими «годдемами». И было отчего! По пробитии зари, он прокричал им громко : направо! И тут пошла каша неизъяснимая: цельные обороты и полуобороты, обороты на право и на лево, на лево-кругом, все это смешалось вместе; музыка, состоящая из множества флейт и барабанов, больших и маленьких, грянула из всей мочи, и караул двинулся с места в таком же порядке, в каком стоял на месте. Все русские, при том присутствовавшие, покатывались со смеху, а англичанин, и так уже весь красный от местного солнца, просто-таки побагровел!

— А что у них с кавалерией, артиллерией? — продолжал расспрашивать я.

Бонапарт, будучи артиллеристом, разумеется, начал с последней:

— Увы, также скверно, как и со всем остальным. Верблюжья артиллерия, кажется, может быть признана оружием совершенно бесполезным, как по неправильности своих выстрелов, так, и по недостаточной силе снарядов, не говоря уже о той ужасной медленности, с какою она действует. Унификация, столь нужная по современным условиям боя, совершенно отсутствует, и, судя по всему, персы даже не понимают, что это такое! В одной батарее могут быть рядом новая французская шестифунтовка и древняя железная кулеврина уникального калибра. Выучка артиллеристов разнится, и зависит в основном от усердия иностранного офицера, обучающего батарею; но в среднем она крайне низка.

Регулярной кавалерии у них вовсе нет: а то, что толкуют об азиатском наездничестве, совсем не так страшно, как оно кажется в иных красноречивых описаниях. Ни один наездник не вступит с неприятелем в рукопашный бой, и ни один из них не умеет порядочно стрелять с лошади. Правда, что все они владеют конем как собственными ногами: но что в этом за польза, если у них нет столько духа, чтобы наскákat на противника? Потому, хотя сами персы считают конницу главной своей ударной силой, но я бы поставил ее даже ниже пехоты, которую хоть какое-то количество иностранных офицеров пытается образовать на европейский манер!

— К тому же, — добавил Аркадий, — число кавалеристов, которые имеют хороших лошадей, весьма ограничено, и большая часть их, будучи бедны, ездят на таких клячах, что Боже упаси. То, что лошадь — персидской или арабской породы, не означает еще *хорошей* лошади; есть среди них такие кони, на которых там разъезжают с мечом в руках, такие, что ни дать ни взять, наши водовозные или извозицьи одры!

Ужин закончился. Со столов уносили основные блюда, подавали фрукты, бисквиты и кофе.

— Понятно, — задумчиво произнёс я, неторопливо размешивая бурю жидкость ложечкой, одновременно пытаясь в уме представить это зрелище и понять, что со всем этим делать. — Но, раз таковы их солдаты, должно быть, и офицеры — полная дрянь?

Взгляд Николая Карловича красноречиво свидетельствовал, что я недалеко от истины.

— Персидские офицеры — это не просто дрянь! Они позорят само своё звание одним фактом своего существования! И прежде всего, от них совершенно нет толка! В действительности обучают солдат иностранцы; на персидских же офицерах остаются разные второстепенные

обязанности: хозяйственные распоряжения о продовольствии, выдаче жалованья и так далее. Оставаясь страшно невежественными во всех военных вопросах, персидские военачальники обкрадывают бедных солдат с неслыханною наглостью!

Тут Бонапарт решил отдать должное мороженному; я же задумался. В общем-то, я ничего иного и не ожидал услышать..., но что же с этим делать? Похоже, что как союзники, персы совершенно бесполезны! И тем не менее иного пути нет: нам следует взяться за реорганизацию их государственности и армии. Ожидаемые коммерческие выгоды должны кратно перевесить затрачиваемые на это средства и усилия.

— Скажите, Николай Карлович, — а как вы находите перспективы русско-персидской неготиации?

Казалось, тот только и ждал этого вопроса. Вот за что мне нравится Бонапарт — так это за эрудицию и широту взглядов! Казалось бы, какое ему, военному человеку, дело до торговли — ан нет, как оказалось, он всё это время тщательно изучал этот вопрос и теперь представил, можно сказать, подробный доклад и обоснование для торговой экспансии в Персию!

— Я полагаю перспективы нашей прекрасными! — начал он развивать свою мысль, вытерев губы льняной салфеткой. — Персидские базары наводнены иностранными товарами, торговля бурлит, и несмотря на всю эту деятельность, местный рынок совсем ещё не насыщен! Но в основном здесь продаются английские товары, которые ввозятся через турецкий Трапезунд и затем караванами отправляются в Тебриз, причём перевозки эти бесперебойно ходят даже во время турецко-персидских войн. Русских же товаров мало!

— Вот как? Но отчего же?

— Это проистекает ни от чего иного, как от нераспорядительности и робости наших неготиантов, поверхностного знания ими местных обстоятельств и нужд, и неумения их прихорониться ко вкусу персиян. А ведь при небольшом старании всё можно было бы исправить! Но нет: русские купцы привыкли, не знаю почему, считать Азию вообще, а Персию в особенности за какое-то захолустье, куда ворон костей своих не заносит, где все живут разбойники и воры, где собственность не охранена ничем, и должно действовать исключительно на «авось». Поэтому очень мало купцов, особенно русских, решались доселе на какие-нибудь торговые предприятия на Востоке.

Персия — это бездонная пропасть, могущая поглощать огромные массы и наших, и европейских произведений, если только предлагаемые товары соответствуют вкусу ее жителей. Но пока наши купцы будут почитать Персию, за край заброшенный, забытый, и посылать туда всякую никуда негодную дрянь, то они, конечно, будут нести одни потери, притом значительные. Но если, напротив того, благоразумные, дальновидные капиталисты захотят обратить на этот край должное внимание, приложат некоторое старание к изучению духа азиатской торговли, то очень скоро найдут здесь отменные барыши!

— Вот как? Вы считаете, всё дело в недостаточной оборотистости?

— Я бы сказал, неграмотности. Прежде всего, наши купцы вовсе не знают Персии; и к несчастью, кажется не делают ни шагу, чтобы наконец познакомиться с нею. Я знаю, чем оправдывается купечество. Оно говорит, что многие торговцы, продавая товары свои на срок, часто не получали денег, что торговать на чистые деньги невозможно, потому, что ни один персидский купец на это не согласится, и что поэтому потери, поносимые там, весьма бывают значительны и повторяются очень часто.

- И что же? Это действительно так? - разочарованно произнёс я.

- Напротив, это сушая ерунда! Прежде всего, всякий хороший неготиант не станет гнаться за огромной разовой прибылью, предпочитая постоянные, надёжные барыши. Но дело в том, что наши русские купцы, привозящие товары свои в Решт и Тебриз, считают совершенный ими подвиг до того важным, что не знают сами, как оценить свой великий труд. Они полагают, что приезжая в Персию для своих выгод, они оказывают тем необыкновенную честь

и милость Персии и хотят заставить ее платить ужасные суммы за вещи самые ничтожные, обыкновенные. Отсюда проистекают все запутанности в делах наших торговцев, которые, сбывая в долг за дорогие цены свои товары, должны потом хлопотать и иногда, хотя очень редко, не получают сполна своих денег. Если бы они, напротив того, назначали умеренные цены, то нашлось бы много покупателей на чистые деньги, дела сделались бы проще и не было бы никогда и речи о потерях!

Рассказывая это, Николай Карлович раскраснелся, начал усиленно жестикулировать руками, а его французский стал совсем уже неразличим. Такое, как я заметил, часто бывает с Бонапартом, когда он увлечётся каким-либо делом.

"Всё-таки корсиканцы по крови, пожалуй, ближе к итальянцам, чем к галлам" - подумалось мне, "и этот харизматичный господин был бы в Италии прямо вот на своём месте!".

— Другой упрёк нашим негоциантом, — продолжал между тем новоиспечённый генерал, — заключается в их неграмотности. Привыкнув вести дела в России без контрактов, на «честном купеческом слове», они совершенно теряются в Персии, где «честное слово» не в обычае.

Так-так... Вот оно что! Беда во многом связана с отсутствием в практике русских купцов письменных контрактов. Наши купцы неграмотны, оттого контрактов они не заключают. А раз так, и за границу никто из них не едет, потому как невозможно там торговать на основе «твёрдого купеческого слова». А владели бы они письмом — могли бы ездить куда угодно, наживаясь не на свих, а на чужих покупателях, и получая огромные барыши! При наличии подтверждающих документов даже персидский суд не откажет в иске!

— Так вы считаете, что при правильной постановке дела всё можно наладить?

— Непременно! Если, сообразуясь с местными условиями, какой-нибудь капиталист начнёт правильный, обдуманный торг с Персией, то труды его непременно увенчаются блистательным успехом. Как говорят в России: «Лиха беда начало»! Да ведь и начало-то уже давно сделано, желательно только идти далее, не оставаться всегда при начале. Английские и французские негоцианты действуют в этой стране весьма смело; а ведь сравнивая торговые пути ведущие из России и Англии в Тебриз, легко убедиться в том, что Россия обладает важным преимуществом перед Англией, имея безопасный и удобный путь в Персию из Астрахани. Английская торговля идёт через Константинополь и Трапезунд, проходя по турецким владениям, наводненным кочующими племенами курдских грабителей. Мне пришлось как-то раз разбирать дело комиссионера английских купцов, у которого дикие курды джелалийского племени разграбили караван близ турецко-персидской границы. Сто тридцать выюков с товарами на сумму около двух миллионов риалов, т. е. примерно в миллион рублей, попались в жадные руки грабителей-курдов; и это, по его словам, был уже не первый случай. Но, несмотря на периодически повторяющиеся грабежи, торговля английскими товарами с Трапезундом, годово́й оборот которой достигает примерно десяти-одиннадцати миллионов, никогда не замирает. А ведь эти 11 миллионов могли бы быть нашими!

— Ну что же, — резюмировал я, — будем действовать, дабы завоевав Персию силой оружия, теперь покорить её ещё и нашими товарами. Очень надеюсь что скоро Тебриз, Астрабад, Решт и Исфаган наполнятся русскими товарами, а полновесные персидские риалы и туманы будут кучами сыпаться в купеческие наши конторы, устроенные в больших торговых городах Персии. Лыщу себя надеждой, что со временем можно будет без всяких хлопот и просьб запросто выписывать себе из Персии через московских или петербургских купцов чудесный ширазский табак, восхитительные феррагунские ковры и отменные кашемирские шали. Наташа, тебе понравились шали, что привёз Николай Карлович? А ковры? Ну вот! И я думаю, они ещё многим понравятся!

Мне запомнился тот разговор. И через некоторое время мы с Николаем Карловичем совместно написали меморандум о мерах по развитию русско-персидской торговли.

Прежде всего мы решили, что необходимо устроить особый Русско-персидский коммерческий суд, рассматривающий коммерческие споры русских и персидских подданных. Это поставило бы русско-персидскую торговлю на твёрдую правовую основу.

Долго думали, как научить наших купцов заключать правильные контакты. В конце концов, Николаю Карловичу пришла в голову блестящая мысль:

— Наверно, надобно отобрать из нашей армии небогатых офицеров солидного возраста, пригодных к тому, чтобы стать комиссионерами в Персии. Они могут составлять письменные контракты, знают эту страну и ничего в ней не боятся. А компания «Русский дом» может стать тут примером!

Так и поступили. К тому времени по Волге уже ходила добрая дюжина пароходов, ещё два плавали по Каспийскому морю. И скоро русско-персидская торговля начала набирать обороты. А с "курдами джелалийского племени" стоит потолковать подробнее - и, может, караваны Трапезонд-Тебриз станут редкостью...

*Самойлович - начальник Главного управления госпиталей.

**«potable» - пригодно, приемлемо.

Глава 5

Уильям Питт внимательно вглядывался в лицо своего собеседника. За свою многолетнюю политическую карьеру он успел повидать мириады лиц и познать бесчисленное множество рук, и справедливо считал, что научился неплохо разбираться в людях с первого взгляда. Однако сидящий перед ним благообразный седой джентльмен с обширными залысинами и мягкими иудейскими глазами оказался совершенно непроницаемым для его взора; и это пугало Питта.

— Значит, господин Ротшильд, вы утверждаете, что у вас есть план обрушения французских финансов... Это очень интересно, право! И вы уверены в свои способности осуществить его?

Задавая этот вопрос, Питт уже по глазам Мейера Ротшильда видел, что тот совершенно уверен в своих возможностях. Впрочем, странно было бы если бы посетитель отреагировал по-другому.

Эта встреча произошла не просто так. Мейер Ротшильд уже прогремел в деловом мире Сити, реализуя фьючерсы на поставки кантонского чая в то время, как никто не мог гарантировать привоз даже тысячи ящиков — ведь всё было скуплено русским правительством. Как этот иудей сумел договориться с царём — оставалось тайной за семью печатями. Но ясно было одно: этот человек — очень, очень и очень серьёзная фигура.

— Мистер Питт, для достижения всех целей этого предприятия мне необходим краткосрочный кредит в размере 2 миллионов 200 тысяч фунтов. При добавлении моих собственных средств это составит сумму, достаточную для того чтобы превратить франк в ничего не стоящие фантики! — слегка улыбаясь, пояснил мистер Мейер.

Премьер-министр откинулся в кресле, пытаясь просчитать все возможные варианты и последствия. Его холодный аналитический ум сейчас рассматривал и один за другим отвергал различные пути достижения цели. Предложение было заманчивым. Чертовски заманчивым! Но только вот два миллиона фунтов... Это два миллиона фунтов!

— Надеюсь вы понимаете сэр, что правительство Его величества не может быть никоим образом замешанным в такого рода действиях. Это означает, что об использовании государственных финансов не может быть речи! — наконец произнес сэр Уильям, холодно улыбнувшись своему визави.

— Для достижения моих целей совершенно безразлично, будут ли это правительственные деньги, или же их источник будет каким-то иным — добродушно ответил Ротшильд. — Не желаете ли сигару, мистер Питт?

— Благодарю! — отказался сэр Уильям. — Простите, но я не совсем вас понимаю: если вы не претендуете на правительственные средства, то что же вам угодно *от меня*?

Мейер Ротшильд сконфуженно развёл руками.

— Видите ли, сэр Уильям: я человек в Лондоне новый, и пока не располагаю достаточным кредитом для того, чтобы самостоятельно раздобыть такую сумму. Разумеется я понимаю все сложности связанные с финансированием правительства в парламентской стране и связанную с этим невозможность крупных изъятий из казначейства. Между тем вопрос по своему характеру таков, что ни в коем случае не допускает его обсуждения в парламенте!

Премьер-министр понимающе кивнул. Действительно: ставить на голосование в палате Общин проведение финансовых афер по подрыву финансовой системы другой страны, с которой, к тому же, именно в это время ведутся мирные переговоры — это явный перебор!

— Однако это ни в коем случае не означает, что вы, Ваше превосходительство, не можете повлиять на процесс! Ведь есть же влиятельные люди в Сити, которые прислушиваются к мнению правительства, и вашим личным рекомендациям; есть банки, страховая компания Ллойда,

есть, наконец, Ост-Индская компания, столь тесно связанная с интересами правительства Его Величества! Неужели никто из них не сможет изыскать необходимые средства? Уверен, что при должной поддержке моей идеи с вашей стороны нет решительно ничего невозможного! Наконец, есть трофейные франки — бумажные деньги Директории, захваченные на французских судах, а также в Тулоне и Остенде. Само проведение говорит нам пустить их в дело!

— Возможно, возможно! — задумчиво произнёс Питт, разглядывая футуристичный интерьер кабинета Мейера Ротшильда.

Бесшумно открылась дверь: лакей подал гостю и хозяину чай.

— Я понимаю ваши затруднения, мистер Питт! — помешивая ложечкой в фарфоровый чашке, произнёс Мейер. — В наше время политик буквально находится под прицелом разного рода шелкопёров: газетчиков, памфлетистов, уличных демагогов из Гайд-парка, и прочей публики, готовой неистово обсасывать любой его промах. Однако то же самое оружие можно повернуть в свою пользу, не так ли? Когда моя операция завершится успехом — заметьте, я говорю не «если», а «когда», — то совершенно уверен, что меня найдётся лишних пятнадцать, а может быть, и все двадцать тысяч фунтов, для того, чтобы достойно поддержать через прессу тех политиков-доброжелателей, что способствовали мне в достижении успеха! И мне очень бы хотелось, чтобы это были вы, мистер Питт, а не мистер Фокс!

Премьер-министр нахмурился. Да с этим человеком надо быть очень осторожным... Очень! А ещё — лучше с ним дружить. Иначе он может подружиться с вашими врагами!

— Я понял вас, мистер Ротшильд — произнес он, поднимаясь. — Мои возможности в Сити не так велики, как вы, должно быть, предполагаете, но всё же, уверен, мы что-нибудь придумаем!

— Прекрасно! Прекрасно! Иного я и не ждал, — вскакивая из-за стола, произнёс хозяин и, продолжая доброжелательно улыбаться, проводил премьер-министра до двери.

Спустя 2 недели контора Мейера Ротшильда получила 1.800.000 фунтов от Ост-Индской компании и ещё 400 000 от банков Бэрринг и Барклайз. Кроме того, он получил и более трёх миллионов франков, захваченных до того англичанами в разных местах — от Мартиники до Пондишerry.

Спустя ещё две недели Мейер Ротшильд сошёл с борта парохода Меркурий в Эвере, откуда в карете приехал в Амстердам. Здесь, усилиями его сына Амиша, уже всё было подготовлено к операции. Обосновавшись в парижской конторке Ротшильдов, он развил бурную деятельность, тайно скупая франки.

К тому времени бюджет Директории уже трещал по швам, не справляясь с грузом многочисленных военных расходов. Франк теоретически был конвертируемый валютой его можно было обменять частично на золото, а частью — на различные легко реализуемые товары. Однако военные потребности заставляли правительство вновь и вновь печатать новые выпуски ассигнаций, И оборачиваемость французской валюты становилось всё более призрачной. Что-то должно было случиться... И *это* случилось. «Это» оказался Мейер Амшель Ротшильд, снабжённый английскими деньгами и надлежащим образом проинструктированный императором Александром.

Затем Майер сел в свою выдавшую виды карету и через пять дней оказался в Амстердаме. Первый визит он нанёс в Амстердамский банк.

— Господа! Я хотел бы взять у вас крупный займ! — обрадовал он к директорам банка.

— О какой сумме идёт речь? — почтительно осведомился один из директоров.

— Десять миллионов франков!

— О-ла-ла! Для такого займа необходимо надлежащее обеспечение! — произнес председатель совета директоров Джакоб Лодевейк Ван Рейн.

— Она у меня есть. Полмиллиона фунтов стерлингов!

Директора задумались. Операция сулила прекрасные барыши. К тому же залог в виде английской валюты мог почитаться очень надёжным обеспечением...

И Мейер получил свой франки.

Далее его карета пересекла городскую заставу Антверпена.

Здесь Мейер Амишель посетил Городской Банк Антверпена, где получил очень краткосрочный кредит в шесть миллионов франков под залог двадцати четырёх тысяч ящиков чая, находящихся в пакгаузах княжества Эвер (о чём был представлен надлежащий коносамент*). Кредит предусматривал чудовищные условия в виде 24% годовых — немыслимый процент по тому времени — но Мейер совершенно спокойно принял это условие.

Одновременно его сыновья — Натан, Амшель, Соломон, Кальман и Якоб — объезжали другие города по Верхнему Рейну, Вестфалии, Фландрии и «новые департаменты» Франции, всюду добывая франки — всё равно, наличными или в виде вексельных расписок. Так они собрали более ста двадцати миллионов франков, и обрушили их на один-единственный город.

На Амстердам.

Утром несколько голландских газет сразу напечатали сообщение что в Париже произошёл государственный переворот и идут уличные бои. Одновременно Ротшильд начал выбрасывать на биржу Амстердама огромные партии франков, скупая всё подряд.

Трейдеров охватил ужас. Эта страна еще помнила крах Тюльпанной лихорадки, и много наслухалась о падении Компании Южных Морей и Миссисипской компании. Началась биржевая паника — все срочно избавлялись от французских денег! С биржи страх перекочивал на улицы Амстердама, где люди были готовы избавиться от франков на любых условиях; особым спросом пользовались золотые, серебряные монеты и любые, даже бумажные, фунты Английского банка.

Из Амстердама истерия вылилась на другие города Батавской республики, а за ними — и на территории Франции. Люди всячески избавлялись от бумажных денег пытаясь найти вместо них иные активы, и фунты Английского банка казались им буквально манной небесной.

Какое-то время Мейер Амишель выжидал, давая людям возможность наделать побольше ошибок. И затем, в нужный момент, когда франки, казалось, вот-вот начнут летать по улицам, как осенние листья, он начал скупать их....

А ещё через несколько дней возле конторы почтенного амстердамского нотариуса Ван дер Шпиер остановилась большая нарядная карета, которую сопровождали несколько огромных фургонов и добрый эскадрон вооружённой стражи.

Из кареты вышел невысокий горбоносый господин в орденах, надменно кутавшийся в роскошную песцовую шубу. Оглянувшись на своих людей, он постучал тростью в дверь и вошёл, не дожидаясь, когда слуга отворит ему.

— У вас тут нотариальная контора, милейший? — надменно-покровительственным тоном спросил он по-французски.

— Именно так. Шпиер и Хазенберг — старейшая в Амстердаме! — гордо ответил владелец, Джеронимо Ван дер Шпиер. Что из нотариальных услуг нашей конторы вас интересует? Протест векселя, удостоверение сделки?

— Прекрасно, прекрасно... рассеянно проговорил господин, осматривая мрачноватые интерьеры. — Надеюсь, у вас есть достойное хранилище для депозитов?

— Да, в подвале.

— Я хочу поместить у вас удовлетворение кредиторов по кредиту иностранного государства. И, надо признать, размеры его довольно-таки значительны...

— И сколько же?

— Шестьдесят четыре миллиона франков!

От услышанной суммы почтенному нотариусу стало дурно. Но взяв себя в руки и немного отойдя от потрясения, он начал выяснять подробности дела.

— Речь идёт о заимствованиях Российской империи, совершённых в достославное царствование Екатерины Великой. Тогда в несколько приёмов было занято семнадцать миллионов гульденов. Часть суммы была погашена соглашением наших правительств о поставке кораблей и торговых клиперов; теперь же мы намерены внести в депозит остаток долга, дабы любой, располагающий доказательством наличия у него долговых облигаций Российской державы, мог явиться к вам в любое время и взять причитающиеся ему деньги!

— Ну что же, это понятно — довольным тоном произнёс нотариус, подсчитывая в уме, какую комиссию он получит за такую услугу. — Но почему вы привезли сюда франки?

— Видите ли, согласно трёхстороннего соглашения между Россией, Батавской Республикой и Францией, все обязательства иностранных государств и частных лиц, номинированные ранее в талерах, гульденах или форинтах, теперь пересчитаны в франки. Вот, ознакомьтесь!

Гость протянул стряпчему текст договора.

Ван дер Шпиер, взяв бумагу, начал читать и онемел. Согласно договора, обмен талеров на франки произошёл по номиналу, существовавшему в 1795 году и расхोдившееся с реальным соотношением почти в четыре раза. Голландские, немецкие, фламандские держатели русских облигаций, несомненно, понесут теперь чудовищные потери!

— Простите — пролепетал бедный нотариус — но когда эти люди... кредиторы императрицы Екатерины... когда они явятся за своими деньгами и поймут, как жестоко их надули, они разнесут мою контору на мелкие куски!

— Ну что же — равнодушно ответил гость — ваше вознаграждение достаточно велико для того, чтобы нанять охрану. К тому же можно заранее уведомить муниципалитет, чтобы они держали городских стражников поближе к вашему дому. Итак мы договорились? Выгружайте!

Последние слова посол Колычёв (а это был именно он), обратил к своим сопровождающим, тут же принявшимся споро таскать в подвал нотариуса запечатанные кожаные мешки.

Почти два дня помощники стряпчего осуществляли пересчёт французских банкнот. Степану Алексеевичу пришлось даже снять для себя и своих спутников гостиницу неподалёку. Но рано или поздно всё заканчивается (по крайней мере — хорошие вещи; и только ужас может длиться бесконечно), и к исходу второго дня, подписав огромный акт приёма-передачи денежных купюр, русское посольство покинуло подворье амстердамского нотариуса. Когда последний воз скрылся за поворотом оживлённой амстердамской улицы, Ван дер Шпиер, вздыхая, спустился в подвал.

Здесь он открыл сейф с личными документами, и, немного покопавшись там, вынул несколько бумаг. Это были русские облигации правительственного займа на общую сумму 26 тысяч гульденов.

Нотариус грустно провёл ладонью по разноцветной гербовой бумаге. приобретая эти займы 20 лет назад, он рассчитывал передать их в наследство сыновьям, чтобы те смогли быстрее встать на ноги. Теперь же от этих денег, даже с учётом процентов, остаётся не более трети первоначальной суммы!

«Будь прокляты эти французы. Всё из-за них! Сохранилась бы у нас, как прежде, обычная голландская монета — такого никогда бы не могло произойти!» — подумал он и уныло поплёлся обменивать свои облигации на бумажные франки, вписав эту операцию в журнал под номером «один».

Интерлюдия.

За два месяца до этих событий.

— Но согласитесь, это странно — такой валюты, как голландский талер, давно не существует, а наши долговые обязательства номинируются именно в них. Мы таким образом не

можем оплатить наши долги перед добрыми голландцами! Раз уж в Батавской республике в ходу теперь франки — значит, и долги наши надо номинировать во франках!

Степан Алексеевич Колычёв, русский дипломат, понтировал против французского министра иностранных дел Талейрана. Шарль Морис держал банк, и, надо сказать, не без сердечного волнения ждал следующего хода своего оппонента. Играли в баккара.

— Возможно, вы правы, — задумчиво произнёс бывший епископ, вновь и вновь перебирая карты. — Право же, Директории дела нет до этих сквалыг-селёдочников; но для установления в государстве надлежаще-правильного хода дел было бы полезно... ах, вот вы как? Вы опасный человек, Этьен! Но у меня есть для вас ответ... Вот так! Итак, у вас четыре, у меня — пять, и я выиграл. Ну что же, значит, следующий тур... Делайте ставки, господа!

Беседа на некоторое время затихла, уступив место игре. Но затем Колычёв вновь заговорил о Голландии, заходя теперь с другого бока.

— Послушайте, Шарль! Вся Европа понимает, что Голландия — это на сегодняшний день всего лишь один из ваших департаментов. Но поскольку Директория в своей неизменной мудрости решила сохранить гордым батавам внешние признаки государственности, то получается, что они находятся в вашей епархии. Или епископате? — пошутил русский, намекая на положение Талейрана до революции. Шарль-Морис, которому шутка не понравилась, лишь вежливо улыбнулся; но у остальных участников игры она имела шумный успех.

«Жалкие ослы. Знали бы вы, как я вас презираю» — подумал Талейран.

— Так что же вы хотите сказать? — совершенно любезно спросил он Колычёва, никак не показывая неудовольствия от его колкой фразы.

— Мы могли бы встретиться тет-а-тет и обсудить это подробнее — пояснил Степан Алексеевич, красноречиво передвинув по столу стопку золотых луидоров.

«Хмम्म... А этот русский знает толк... в дипломатии» — пришло в голову Талейрана.

Надо признать: министр иностранных дел их него получился просто отвратительный. Нет, он был умён, обходителен, тактичен и прозорлив; но все эти положительные качества он использовал не для службы Франции, а исключительно для набивания карманов. Ещё когда он раздумывал, стоит ли идти в дипломатию, главным критерием его выбора были те ожидаемые суммы, которые он мог бы приобрести. И да, поразмыслив, Шарль-Морис понял, что торговля влиянием во внешней политике — это просто золотое дно! Ещё в 1791 году за посредничество в переговорах между Испанией и Францией Талейран от благодарного испанского правительства получил сто тысяч американских долларов. Они пришлись ему тогда очень кстати, поскольку к тому времени Шарль-Морис сильно поиздержался. Он оплатил долги, подарил любовнице достойные её ласк драгоценности, а добрую половину всего за месяц спустил за карточным столом. Его проигрыши порой достигали ста тысяч франков за ночь. Нужным людям Талейран охотно и много проигрывал... С самого 1792 года он налаживал контакты, искал влиятельные знакомства в министерстве иностранных дел, дружил с послами. И понеслось...

Настоящим золотым дном стала медиация в Германии. Немецкие князьки, утратившие владения на левом берегу Рейна из-за завоевания его Францией, жаждали компенсаций на сохранившейся территории Германии, главным образом, из церковных земель. Затем начались переговоры с англичанами о мире, первым условием которых был вывод французских войск из Ирландии. Надо признать, это был глупейший внешнеполитический шаг, отдающий победу в руки врага, но Шарль-Морис сумел продать его через Директорию, объясняя это необходимостью демонстрации «великодушия французского народа» и «жеста доброй воли». В итоге Бартеlemi Жубер со сломанной на взлёте карьерой отправился в отставку, а стоявшие на пороге победы ирландцы были вынуждены заключить унижительное соглашение об унии с Англией. Ну а Шарль-Морис купил себе замок в долине Луары, и отложил в бернском банке 50 000 фунтов.

Через три недели. Петербург. Зимний дворец.

На моём рабочем столе лежало два отчёта: один — от Мейера Ротшильда, другой — от Степана Алексеевича Колычёва. Сопоставляя их, можно было понять, что «Голландский проект» призванный погасить наши внешние долги, завершился вполне успешно. Действуя по моим инструкциям Мейер Амишель Ротшильд воспроизвёл аферу Джорджа Сороса, Известный мне истории обвалившего когда-то английский фунт стерлингов. Разумеется, это было бы невозможно, если бы не уникальная ситуация, сложившаяся в бывшем штатгальтерстве Нидерланды, а ныне Батавской республике. Увы, но нация, передающая свою финансовую систему под контроль другой державы, всегда рискует получить нечто подобное!

Но так или иначе, вопрос был решён: 9/10 нашей внешней задолженности было окончательно погашено. Оставался лишь генуэзский займ в размере 1 миллиона пиастров, который я мог бы закрыть одним движением руки. *Мог бы.*

Но не буду.

Глава 6

Невысокий, худой, болезненного вида юноша в бедной, но опрятной одежде стремительно шагал по извилистым, во всех трёх измерениях искривлённым улицам Генуи. Гремя по булыжникам мостовой своими деревянными башмаками, он бережно прижимал груди большой свёрток и поминутно как галчонок задирая голову, останавливался, прислушиваясь к резким щелчкам мушкетных выстрелов, то и дело раздававшихся где-то в городе.

— Определённо это в порту! Святая Мария, помилуй всех нас! — прошептал он про себя, определив, наконец, откуда исходят звуки боя, и припустил бегом пуще прежнего.

— Куда это ты бежишь парень! — вдруг послышалось у него над головой.

Юноша затравленно оглянулся и тотчас же увидел среди рядов наглухо закрытых зелёных ставней одно-единственное распахнутое окно, и в нём — весьма полную, но ещё привлекательную синьору в голубом платье. Обширное декольте с весьма соблазнительным содержанием в любое другое время, несомненно, вызвало бы у молодого человека самый пристальный интерес, но только не сейчас, когда в городе гремели выстрелы, а он так спешил, беспокоясь о своих родных и бесценном для него свёртке.

— Юноша, ты направляешься прямо в пасть тигра! В город вступили французские драгуны. Аристократы вооружили против них лаццарони, и сейчас в порту идёт бой!

Молодой человек растерянно остановился. Все его худшие опасения подтверждались.

Синьора смерила его встревоженным взглядом, а затем, прислонившись пышной грудью к низкому подоконнику, произнесла:

— Куда бы ты ни шёл сейчас, на улицах слишком опасно! Если тебе негде укрыться — забегай в ближайшую церковь!

— Благодарю вас за участие, синьора! — почтительно поклонился молодой человек, — но у меня в порту отец и два брата. Они сейчас должны быть в нашей мелочной лавке. Я спешу помочь им!

Синьора критически осмотрела щуплую фигуру юноши и нахмурилась.

— Парень! Поверь мне — тебе там нечего делать! В порту идёт настоящий бой, и, если в твоём свёртке не икона Мадонны ди Сант-Алесслио, то ты ничем не сможешь помочь своим родным! Что толку, если тебя пристрелят у них на глазах? Ты же видишь — на улицах ни души! Последуй примеру разумных людей, что берегут свои жизни!

В это мгновение несколько выстрелов раздалась совсем рядом. Юноша зажмурился и вжался в стену.

— Дело совсем жарко! — в ужасе воскликнула синьора. — Парень, забегай ко мне! Надо переждать обстрел! Давай же!

Голова и груди женщины исчезли из оконного проёма, и через несколько мгновений раздался резкий стук открываемого засова. Из проёма выскользнула обнажённая по локоть рука, дама буквально втянула юношу в распахнувшуюся дверь и тут же со стуком захлопнула её.

— Они идут сюда! Пойдём, поможешь мне!

Затащив его за руку по узенькой тёмной лестнице в комнату первого этажа, она указала на стоявший в углу здоровенный обшарпанный морской сундук.

— Надо запереть этим дверь! Давай, ты с одной стороны — я с другой!

И первая схватилась за металлическую ручку, болтающуюся в петлях на торце сундука.

Взявшись за вторую ручку (сундук оказался неимоверно тяжёлый) юноша со страшным трудом поднял его и помог протолкнуть по крутой каменной лестнице до самого низа, где совместными усилиями они подпёрли сундуком входную дверь.

Тотчас же мимо них за щелястыми досками двери прогрехотали чьи-то шаги; чуть поодаль послышались крики на незнакомом языке и звонкий стук лошадиных подков по

камню. В полутьме юноша увидел, как дама, энергично перегнувшись через сундук, приникла глазом к замочной скважине; затем она также быстро выпрямилась.

— Каррамба, ничего не видно! Пойдём к окну!

И тотчас же вновь потащила его наверх, в комнату, да так резво, что на ступеньках он чуть не споткнулся.

— И чего ты всё таскаешь с собой эту штуку! — возмутилась женщина, увидев, что молодой человек всё ещё прижимает к груди свой свёрток. — Что там у тебя такое вообще? Ай, ладно, потом! — и тут же приникла к чуть приоткрытым ставням, сквозь щёлочку наблюдая за происходящим на узкой улочке Сан-Агнес.

Юноша тоже не отказал себе в искушении тихонько выглянуть наружу. На улице раздались крики и ругань. Выглянув в щель, парень увидел, что несколько вооружённых длинными мушкетами генуэзцев, оглядываясь, убегают по направлению от порта в сторону центральной площади города. Один из них, одетый как угольщик, — в кожаные штаны и передник — вскинул мушкет, целясь куда-то в конец улицы, и выстрелил.

Грохот близкого залпа страшно напугал хозяйку дома; истерично взвизгнув, она нырнула вниз, под подоконник. Юноша тоже было инстинктивно пригнулся, втянув голову в плечи; но поскольку он видел, что стреляют не в их окно, и непосредственной опасности нет, то, оправившись от испуга, оставил, наконец, своё свёрток и снова выглянул наружу.

Он увидел, что генуэзцы — а это были, без сомнения, те самые портовые грузчики и угольщики, которых вооружили для противостояния французскому вторжению — бросились наутёк, спасаясь от подступающих французов. Грохот подков стал ближе, и мимо дома пронеслись несколько всадников в зелёных длиннополох сюртуках, с обнажёнными шпагами в руках.

— *Frappez-les!* * — донеслось до юноши; и через несколько секунд с той стороне улицы куда ехали всадники вновь раздались звуки выстрелов, звон металла и отчаянные крики. Он уж Хотел было открыть ставни пошире чтобы выглянуть вдоль улицы, но тут сильные женские руки утянули его вниз, под окно.

— Иисус, пресвятая Дева Мария! Спаси и помилуй нас! — простонала спасшая его синьора, вжимая своё лицо ему в грудь. Плечи и всё тело её содрогались от рыданий. Конечно, она была сильно напугана — не каждый день на улицах Генуи увидишь, как прямо под твоими окнами убивают людей!

Молодой человек успокаивающе положил руки на её конвульсивно вздрагивающие плечи; потом растерянно погладил чёрные, как вороново крыло, волосы, гладко и туго собранные под фачолетто**. Шум за окном постепенно затих, но женщина никак не могла успокоиться..., а юноше было семнадцать лет. Он стал ласкать её смелее, спустил руки до талии, а затем и ниже; женщина подняла заплаканное лицо, и произошло ожидаемое: губы их встретились.

В тот день в генуэзский порт Никколо благоразумно так и не попал, зато надолго оказался в широченной кровати, покрытой тюфяком из овечьих оческов. Женщина — её звали Джованна — занималась любовью с ним, как в последний раз; юноша держался достойно, хотя, стыдно признаться, сделал для себя открытие, что когда крупная и пылкая синьора столь энергично двигается над, или даже под тобой, как это делало его спасительница, — то это может быть пострашнее французских драгун! Все попытки юноши проявить деликатную нежность были прерваны самым недвусмысленным образом:

— Жизнь слишком коротка, *suore mio!* *** Пока ты разводишь эту канитель, я успею состариться! Приступай уже к делу!

А посреди второй сессии кто-то начал страшно грохотать в дверь; но любовники это едва заметили...

Джованна оказалась вдовой. Лишь поутру, подогревая своему юному любовнику фокаччо с сыром, она поведала ему свою немудрящую историю.

— Муж пропал в море два года назад. Они шли на фелуке вдоль южного берега Сицилии, когда на них напали варварийские пираты. С тех пор ни о команде, ни о судне ничего не было слышно... Знал бы ты, сколько я слёз пролила! Но хранила супругу верность... до сегодняшнего дня! Цени это, молокосос!

И женщина шутливо пихнула юношу в плечо. Тот лишь счастливо улыбнулся; никогда ещё он не чувствовал себя лучше!

— Кстати, так что там у тебя в свёртке? Может, пиастры? А ну-ка, показывай! Я помогла тебе спастись и теперь имею право на четверть... нет, на треть!

Продолжая смущённо улыбаться, юноша развернул свой пакет, доставая прекрасную оранжево-жёлтую мандолину.

— Ну вот, отрежь свою треть! Будет на чём испечь себе другую лепёшку!

— Ой, какая прелесть! И ты можешь на этом играть?

Юноша гордо кивнул. Уж чего-чего, а играть-то он точно умел! Тут же, церемонно встав, подбоченясь и заняв самую гордую позу, что и герцогине впору, Джованна манерно произнесла, глядя на юношу сверху вниз, как королева на своего подданного:

— Молодой синьор... кстати, так как, ты говорил, тебя зовут?

— Я не говорил! — прыснул от смеха юноша, глядя на Джованну, занявшую королевскую позу: будучи в одной рубашке, она представляла сейчас крайне комичное зрелище.

— «Я не говорил»! Очень странное имя для такого милого юноши! Не помню такого святого! Твои родители что — сродни парижским безбожникам?

Не вытерпев, юноша захохотал. Вот уж не ожидал он встретить в этом углу Генуи настолько весёлую и пылкую вдовушку!

— Никколо! Мое имя — Никколо! — наконец выговорил он, буквально давясь от смеха.

— Так вот, сеньор Никколо — продолжая важничать, произнесла Джованна — поскольку вы вместе с мандолиной спасены мною от ужасной гибели, вам предстоит отслужить в моём замке целых 3 дня. Сейчас я буду завтракать, а ты сыграй мне пока «неаполитану». А потом мы ещё что-нибудь придумаем!

И они придумывали "что-то" ещё...и ещё... и ещё...

Лишь через 3 дня юный Никколо появился в лавке своего отца в порту Генуи.

— Где ты был, Николетто! Господи боже Всемогуций! Мы уже не знали, что и думать. Мать вся извелась, а мы с Джованни и Пьетро перерыли весь городской морг! Сколько там трупов — не перечесть! — свирепым взглядом встретил его отец.

Почувствовав на себе этот взор, Никколо внутренне сжался. Отец был суров и имел тяжёлую руку — юность, проведённая среди портовых грузчиков, очень способствовали и тому, и другому. Правда, к старости Антонио нашёл себе стезю полегче — открыл в порту Генуи лавку, торгуя разными предметами для моряков. Однако он всячески пытался обеспечить лучшую долю для шести своих сыновей, причём, принимая во внимание их природные наклонности. В юном Никколо он ещё в шестилетнем возрасте обнаружил способность и тягу к музыке, и всячески развивал его, поначалу сам давая уроки, а затем даже нанимая за свой счёт искусных преподавателей.

— Когда я слышал выстрелы, то укрылся у... знакомых. А потом всё не решался выйти, не зная, закончилось всё, или ещё нет! — объяснил он.

— Это у каких таких знакомых ты скрывался? — недоверчиво спросил Антонио.

— Это... знакомые послушники из собора Сан-Лоренцо! — краснея, выдавил из себя юноша.

— Ааа. Ну да. Ладно. — Антонио, видимо, понял, что дело здесь нечисто, но не стал допрашивать сына подробнее.

— Французы были здесь — торопясь перевести разговор на другую тему спросил Никколо.

— Они и сейчас здесь. Вон там, смотри! Оставили свой брандвахтенный фрегат и три экзерциргауза. Теперь на территорию порта нельзя провести никакого груза, не миновав их досмотра! Кстати — типа у него вдруг поглядел на сына какими-то особыми глазами будто бы видел его впервые — вчера тебя спрашивал какой-то очень важный господин. Иностранец, но не француз. Мне кажется немец или австрияк. Назвал твоё имя и спросил, играешь ли ты на скрипке! Я ответил, что в мандолине ты больше знаешь толк, но скрипка покоряется тебе столь же легко, как и любой другой инструмент. Кажется, его интересует ангажемент. Может быть, даже постоянное место у какого-то князя! Представляешь?

— Вот как? — произнёс Никколо, удивлённый не меньше отца. — А где же его теперь найти?

— Он сказал, что остановился в отеле Риальди, на Новой улице! Сейчас вроде бы поспокойнее — наверное ты можешь дойти до него. Там надо спросить господина *Маркова*.

- Какое варварское имя! - поразился юноша.

- Он русский. Но эти господа готовы платить за искусство полновесными пиастрами, так что какая разница?

Синьор Марков оказался невысоким, полным, немолодым уже человеком с нелюбезным выражением обезображенного оспой лица. От всей фигуры его веяло могуществом и властью, так что юный Никколо, и так уже явившийся сюда в состоянии трепета, смешался еще больше.

— Вы играете на скрипке? — сразу же без обиняков спросил Марков, оценивающе оглядывая юношу.

— Си, синьор! — почтительно поклонившись, отвечал тот, — хотя много лучше я освоил мандолину!

— Знаете ли вы нотную грамоту? — всё также мрачно и требовательно спросил русский вельможа.

— Изрядно! — подтвердил Никколо, недоумевая, к чему могут вести эти вопросы.

— Что вы скажете об этом инструменте? — наконец спросил Марков, доставая из футляра чудесную скрипку.

Юноше никогда не доводилось видеть скрипок старых мастеров. Откуда? Они были бедны! Но одного взгляда на этот инструмент ему было достаточно, чтобы понять — это самый прекрасный инструмент на свете!

— О, это великолепно! — только и смог вымолвить он, прикидывая в тоске, сколько же такая вещь могла бы стоить.

— Это инструмент работы мастера Амати. Он очень старый и стоит огромных денег. И я могу сделать так, что вы будете играть на ней каждый день!

У юноши захватило дух. Вот оно!

— Что же для этого сделать? — дрожащим голосом спросил он.

— Принять предложение императора Александра (да-да, император делает вам личное предложение!) прибыть в Петербург для концертной деятельности. Вас ждёт многолетний контракт на более чем достойных условиях вы будете обеспечены до конца своих дней.

У парня задрожали ноги, но он справился с собой.

— Мне нужно узнать сумму ангажемента, и посоветоваться с отцом — самым почтительным образом сообщил он.

Марков понимающе хмыкнул.

— Сумма — тысяча дублонов в год. Советуйтесь, но недолго — у меня в этом городе много дел!

Разумеется, юный скрипач, услышав такую сумму, согласился на все условия. Хотя они с отцом ещё немного поторговались...

Окончив дела с молодым Николло, синьор Морков отправился в городскую тюрьму Генуи. Ещё недавно здесь содержались сторонники республики и пособники французов; но теперь после переворота и оккупации города, камеры сменили своих постояльцев.

Вежливо поздоровавшись с сержантом французского 21-го драгунского полка, возглавлявшим караул, иностранный господин заявил, что желает попасть внутрь.

— Но только на время, господа, только на время! — смеясь, пояснил он. — Мне надо переговорить кое с кем из ваших новых узников!

Сержант позвал лейтенанта, возглавлявшего охрану тюрьмы. Господин Морков показал нужный ордер, подписанный господином Талейраном, и французскому офицеру ничего не оставалось, кроме как беспрепятственно пропустить его внутрь.

Оказавшись в этом типично средневековом, насчитывающим не одну сотню лет сооружением, сложенном из грубо отёсанного местного камня, мосье Морков лишь грустно покачал головой.

— Да уж... Несомненно, Италия — это страна древностей!

Это мрачное место могло вернуть в отчаяние даже добровольного посетителя, имеющего полное право в любое время его покинуть. Страшно даже подумать что творилось в душе у узника, брошенного сюда на каменный пол и коротающего теперь дни в ожидании гильотины.

Надзиратель-итальянец провёл его тесными коридорами к нужной двери и загремел ключами. Согнув внутрь, русский вельможа оказался в очень узкой, вытянутой камере. Сквозь крохотное зарешёченное окошко, пробитое под самым потолком, врвался внутрь солнечный свет и сиял крохотный кусочек голубого лигурийского неба. Ежась от холода, исходящего чудовищной толщины каменными стенами, посетитель подумал, что вид этой небесной лазури, напоминая заключённому о потерянном за стенами тюрьмы рае, должно быть, особенно угнетает узников этого ужасного места.

Однако же надо было переходить к делу.

Он взглянул на заключённого, при звуках открывавшегося замка вставшего со своего топчана. Это был полный благообразный господин в хорошем костюме дорогой ткани. Лицо его ещё хранило следы пудры, а волосы были напомажены; но всклокоченный вид, солома в волосах и давно небритые щёки красноречиво говорили стороннему наблюдателю, что этот человек оказался в беде. Узник смотрел на посетителя загнанным взором, в котором ужас от предчувствуемой судьбы смешивался со слабой надеждой на избавление.

— Сударь, вы — банкир Джакомо Антонелли? — вежливо спросил Морков на неплохом итальянском.

— Да, синьор! — хрипло ответил узник. — Вы — прокурор?

— Нет, я не имею честь состоять на французской службе, и вообще здесь по-другому делу. У вас на руках находятся документы на право получения русского государственного долга в размере миллиона пиастров, не так ли?

Бывший банкир печально покачал головой.

— Вы ошибаетесь. У меня нет документов на миллион пиастров. Я располагаю облигациями займа русского двора всего лишь на 370 тысяч; остальные были перекуплены другими лицами!

— Но перекуплены *у вас*, не так ли? И вам известны все держатели этих бумаг!

— Да, это так. Но зачем вам эти сведения?

— Затем, что кто-то из этих людей наверняка сидит сейчас в соседних камерах в ожидании гильотины, а я могу спасти их жизни!

В глазах Антонелли вспыхнула надежда.

— Каким же образом, сударь?

— Всё очень просто. Вы отказываетесь от этих обязательств, и передаёте все документы по русскому долгу мне в руки. Я же сделаю так, что обвинения в антифранцузской деятельности будут сняты, и вы сможете навсегда покинуть это ужасное место. Более того — Вам позволит уехать туда, где вы Будете в безопасности и сможете совершенно спокойно пережить эти тяжёлые времена. Могу предложить вам Одессу — прекрасный, быстрорастущий порт, через который вывозятся теперь богатства всего юга России!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.